

60
1918+1978

Искорка **10**
1978

1918★1978

25 АПРЕЛЯ 1978 ГОДА В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ СОСТОЯЛСЯ XVIII СЪЕЗД ВЛКСМ. ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВУЯ ДЕЛЕГАТОВ СЪЕЗДА, ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ СКАЗАЛ:

«ВАШ СЪЕЗД СОБРАЛСЯ В ПРЕДВЕРИИ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ ДАТЫ: ЭТОЙ ОСЕНЬЮ ИСПОЛНИТСЯ 60 ЛЕТ ВСЕСОЮЗНОМУ ЛЕНИНСКОМУ СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ.

ВОЗРАСТ У КОМСОМОЛА КТОЛМЕ ЗРЕЛЫЙ, НО ДУХ ЕГО ВСЕГДА МОЛОД. ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ — БОЕВОЙ ПОМОЩНИК И НАДЕЖНЫЙ РЕЗЕРВ ПАРТИИ.

ВАМ ПРЕДСТОИТ ДОВЕСТИ ДО ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ ВЕЛИКОЕ ДЕЛО, НАЧАТОЕ ВАШИМИ ДЕДАМИ И ОТЦАМИ. БУДЬТЕ ЖЕ ДОСТОЯНОЙ СМЕНОЙ, ВЫСОКО НЕСИТЕ ЗНАНИЯ КОМУНИЗМА!»

ДЕЛЕГАТАМИ НА XVIII СЪЕЗДЕ ВЛКСМ БЫЛИ И ЛЕНИНГРАДЦЫ. СЕГОДНЯ ОНИ ГОВОРЯТ С ТОБОЙ СО СТРАНИЦ НАШЕГО ЖУРНАЛА.

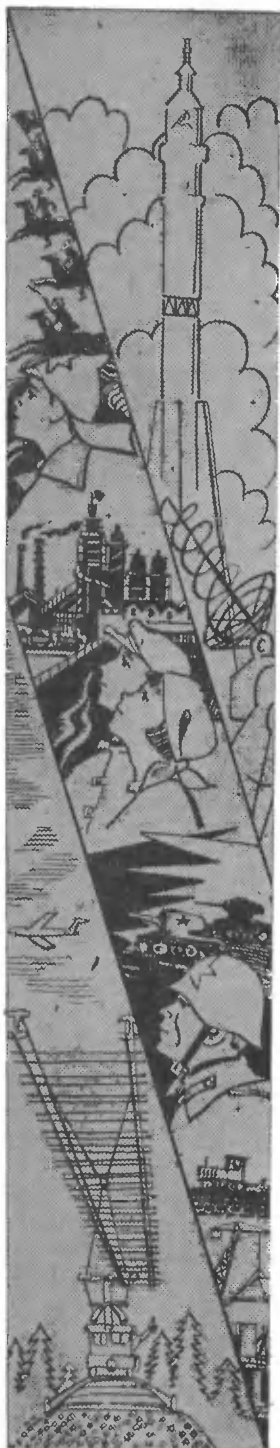

Рис. П. Смирнова

газета
«Ленинская
искорка»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

ОКТАБРЬ ● 1978

год издания XXII

Лев КУКЛИН

А СМОГ БЫ Я?

*Мы знаем из песен о тех временах,
Как ветер свободы поёт в стремених!
По Врангелю послан последний патрон.
В атаку идёт на рысях эскадрон,
И к сабле как будто припаян кулак...
А смог бы,*

а смог бы я сам —

так?

*На стыках бессонных трясёт эшелон.
На стройках лаптями трамбуют бетон.
Спешат книгоноши сквозь пасмурный лес.
Встречает их в полночь кулацкий обрез.
Девчата и парни штурмуют рабфак...
А смог бы,*

а смог бы я сам —

так?

*На мёрзлой земле — ни кола, ни двора,
И в глотках ребят замерзает «ура!»,
И прямо по телу сечёт пулемёт.
Но кто-то всей грудью рванул на дот!
А смерть — ведь она не пустяк, не пустяк...
А смог бы,*

а смог бы я сам —

так?

*Наш старший товарищ и друг — Комсомол!
Всегда впереди ты с отвагою шёл!
Сияют в ночах наши Братские ГЭС.
По БАМу идёт комсомольский экспресс.
И в космос выходит наш брат и земляк...
Я верю,*

что смог бы

и сам

так!

Василий ОСТРОВСКИЙ

ИМЕНЕМ КОМСОМОЛА

СТОЛОВАЯ завода «Русский Рено» была простым дощатым бараком. Стояли в ней грубо сколоченные длинные столы и вдоль них такие же лавки. Из всего «кухонного оборудования» имелся лишь большой металлический кипяtilьник — горячей воды хватало всем.

Конечно, до наших дней эта столовая не сохранилась. А вот память о ней жива. Записана на мраморе крупными буквами. «Здесь состоялось первое собрание представителей рабочей молодёжи, положившее начало первой массовой юношеской организации Ленинграда».

Живёт на Выборгской стороне и человек, который на этом собрании был, хорошо его помнит, — Михаил Петрович Синозерский. Правда, рабочего паренька с завода «Новый Парвиайнен» Мишу Синозерского никто туда делегатом не посылал, но никто и не прогнал из заводской столовки. В тот день мальчишек туда набилось немало: интересно ведь! Речь-то как раз о них, о мальчишках, и шла. Об их работе, о заработках.

Городом уже распоряжалась весна 1917 года. Первая весна без царя. Николашки: его ещё в феврале скинули. Но заводы по-прежнему принадлежали заводчикам, фабрики — фабрикантам, банки — банкирам. Власть захватило Временное правительство. Над окопами, протянувшимися от Балтийского моря до Чёрного, ещё грохотала, тянулась опостылевшая всем первая мировая война.

Правда, заводчики, фабриканты действовали теперь с оглядкой: почувствовали в феврале, что рабочий класс — сила немалая. К своему великому неудовольствию, пришлось им примириться с существованием рабочих заводских комитетов. Пришлось и заработки повышать. Всем, кроме учеников. Считаться с мальчишками они не желали.

— Знаете, как раньше платили ученикам? — вспоминает Михаил Петрович. — Чем меньше ростом, тем меньше и платят. Помню, пришел я на завод Айваза в пятнадцатом году, посмотрели на меня и определили: пятак в час. За десять часов работы — полтинник. Ну ладно, мне тогда лет ещё не много было, а ведь в учениках ходили и двадцатилетние парни. Лет по пять, по шесть — всё в учениках!..

На «Русском Рено» весною-то семнадцатого что произошло? Заводскому комитету удалось вырвать надбавку к зарплате. Мальчишек же опять обошли. Ничего им управляющий не набавил. Обидно, конечно. Наиболее зубастые парни — Метёлкин, Фрейборг — пошли в заводской комитет, спрашивают: «Мы с вами по десять часов работаем?» «Работаете», — отвечают им. «Тогда почему же нам нет надбавки?» В завкоме заволновались: «Как же это мы о шкетах наших забыли?» Пошли к управляющему. Только тот, когда о требо-

ваниях рабочих услышал, наотрез отказался выполнять их. «Тогда снова бастовать будем,— решили в завкоме.— Пока нашим мальчишкам заработка не накинута, на работу не выйдем». Это в расчёты хозяев завода не входило. Пришлось уступить. Заработок ученикам хоть немножко, но увеличили.

Слух о надбавке с завода на завод полетел. На «Русский Рено» со всей Выборгской стороны потянулись, спрашивают: «Как вы добиться сумели?» «А вот так,— отвечают.— Мы потребовали. Большевики нас поддержали». «Значит, в райком идти, к Чугурину?..»

Пошли в райком. Там их Иван Дмитриевич Чугурин выслушал и говорит:

— Хорошо. Устраивайте собрание — приду.

Вскоре в газете «Правда» появилось объявление: так, мол, и так. 11 апреля состоится собрание рабочей молодёжи Выборгского района, просьба присылать делегатов.

Вот тогда-то я и пришёл в столовую завода «Русский Рено».

Пришёл Чугурин. Встретили его с уважением, знали: совсем недавно встречал он на Финляндском вокзале Ленина, вручил Ильичу партийный билет № 600 Выборгской организации большевиков. Слышали и о том, что Иван Дмитриевич — ученик Ленина, занимался у него в школе Лонжюмо.

Чугурин сначала молчал, слушал. А когда зашла речь о демонстрации 1 Мая, взял слово:

— Это вы хорошо придумали — стройте свою колонну в Первомай! И идите впереди взрослых. Но уж коли вы будете представлять подростков Выборгской стороны, то не пора ли вам подумать, чтобы организовать, чтобы создать районный Союз рабочей молодёжи? Все вместе будете за свои права бороться. А вместе — значит сильнее.

Взбудоражили ребят эти слова, заставили задуматься. Заводская столовая стала чем-то вроде молодёжного клуба. 13 апреля в ней вновь собрались заводские мальчишки. Уже не только с Выборгской стороны — со всего города делегаты пришли.

На это собрание пришла Надежда Константиновна Крупская. Она приветствовала молодых рабочих от имени большевиков, посоветовала, что на первых порах нужно делать, с чего начинать, обещала всяческую поддержку. Приняли два решения: создать Всерайонный (Петроградский) Союз рабочей молодёжи и выйти всем на демонстрацию 1 Мая.

Собрание затянулось до позднего вечера. Расходились возбуждённые, спешили каждый к своим заводским воротам: Коля Фокин — к Сампсониевской мануфактуре, Ваня Скоринко — в свою пу-

печную мастерскую Путиловского завода, Пётр Смородин — на Петроградскую сторону, Сергей Соболев — на Васильевский остров...

Спустя годы один из первых вожakov питерских комсомольцев Пётр Смородин вспоминал: «Вся молодёжь Выборгской стороны организовалась в коллективы, с Выборгской стороны, как огненное пламя, движение стало перебрасываться во все рабочие районы».

Куда именно? Где загорались первые огоньки комсомольского пламени в нашем городе? Мемориальные доски дают эти адреса:

НЕВСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД имени В. И. ЛЕНИНА:

«В этом заводе, в котельной мастерской 4.VIII.1917 г. происходило первое собрание рабочей молодёжи Невского и Обуховского районов...»

ПЛОЩАДЬ СТАЧЕК, 2:

«На этом месте в 1917 году в здании школы помещался районный комитет Нарвско-Петергофского Социалистического союза молодёжи и 18 августа 1917 г. происходила первая конференция Петроградского Социалистического союза рабочей молодёжи».

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ, 24-я ЛИНИЯ, 9:

«Здесь происходило первое собрание революционной василеостровской молодёжи в апреле 1917 года».

НАБЕРЕЖНАЯ РЕКИ ФОНТАНКИ, 201:

«В 1917 году в этом здании работал Петроградский городской комитет Социалистического Союза рабочей молодёжи и вышел первый номер революционного журнала молодёжи „Юный пролетарий“»

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ, 14:

«Здесь в годы революционной бури и натиска складывался фундамент комсомолии Центрального района».

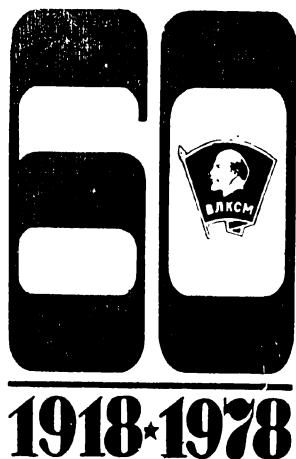
ГОДЫ революционной бури!.. Они шагали по улицам колоннами демонстрантов, гремели митингами на площадях, спорили до хрипоты со всякими соглашателями, пытавшимися оторвать молодёжь от борьбы, прямо из цехов уходили в бои, дрались за новое и сами строили его.

Уже не только в своих районах — всему городу становились известны имена молодых борцов: юного большевика из-за Нарвской заставы Васи Алексева, рабочего с Петроградской стороны Петра Смородина, неутомимого организатора молодых выборжцев Коли Фокина.

Трудно им было на первых порах, но шагали они уверенно, крепко верили в правоту своего дела и в поддержку старших товарищей большевиков-ленинцев. Не раз и не два в самые трудные для молодого союза дни приходили к ним опытные бойцы революции — Вера Слуцкая, Иван Чугурин, Александр Скороходов, Станислав Косиор, Иван Рахья, Людмила Менжинская. В «Правде» одна за другой появлялись статьи Надежды Константиновны Крупской: «Союз молодёжи», «Борьба за рабочую молодёжь», «Как организовать рабочей молодёжи?». VI съезд партии большевиков специально обсудил вопрос о молодёжи, потребовал от всех партийных организаций помогать юным борцам самым серьёзным образом.

Верил молодым и Владимир Ильич Ленин. Разрабатывая план восстания, он писал: «Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодёжь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важнейших операциях...»

Молодые оправдали доверие вождя.

Говорит Николай ИЛЬИН, слесарь-сборщик Ленинградского производственного объединения «Электросила», член ЦК ВЛКСМ

— Вы, наверное, согласитесь со мной, что быть рабочим «Электросилы» — почётно и ответственно. Здесь постоянно чувствуешь себя участником славных дел, достойных времени, достойных нашей страны.

Выступая на XVIII съезде комсомола, я говорил о том, как мы, молодые электросиловцы, трудимся над важнейшими заказами пятилетки. Это очень здорово — участвовать в большом, значительном деле, таком, как электрификация всей страны. Ведь «Электросилу» называют арсеналом советской энергетики. Как звёзды в небе, сияют по всей стране огни электростанций, построенных при участии рабочих «Электросилы». Волховская, Свирская, Днепрогэс, Братская, Красноярская, Саяно-Шушенская — вы знаете о них из школьных учебников и из газет.

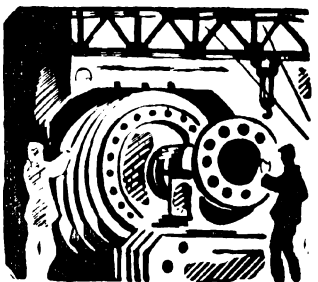
Машины с маркой «Электросилы» непрерывно совершенствуются, увеличивается их мощность, долговечность, прочность, качество. Например, недавно сделанный у нас генератор мощностью 1 200 000 квт — самый крупный в мире, он один может заменить два Днепрогэса. Сейчас идёт работа над созданием проекта генератора мощностью 2 500 000 квт — это четыре Днепрогэса!

Сегодня наше объединение продолжает шефство над созданием генераторов для Ленинградской, Смоленской и Чернобыльской АЭС, с опережением графика ведутся работы над созданием к 60-летию комсомола второго генератора для Саяно-Шушенской ГЭС. Это шефство молодёжи над важнейшими заказами пятилетки высоко оценил в своём выступлении на XVIII съезде комсомола Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Комсомольцы нашего объединения шефствуют также над заказами для социалистических стран. Так, в результате шефства были досрочно изготовлены электродвигатель для Дрезденского металлургического комбината, электроподъёмники для шахт ПНР, дизель-генератор для ЧССР, генераторы общей мощностью в 500 000 квт для ПНР и ГДР.

Мы обмениваемся специалистами, оказываем техническую помощь, ведём совместное строительство крупных объектов и организуем конкурсы профессионального мастерства, налаживаем соцсоревнование с молодёжными коллективами этих предприятий. Недавно рядом с четырьмя правительственными наградами, которыми Родина отметила «Электросилу», — орден Красного Знамени Труда, награда Народной Республики Болгарии за помощь «Электросилы» в электрификации страны.

Записала Н. ШМИТКО

ЕСТЬ на Выборгской стороне две старые улицы. Когда-то одна из них называлась Бочарной (видимо, жили тут в давние времена бочары, сколачивали бочки), потом была переименована в Симбирскую. Другая улица носила имя Безбородкинский проспект — в честь графа Кушелева-Безбородко, чьи именина простирались от Невы до самого этого проспекта. Одну улицу от другой отделяли два небольших поворота: влево да вправо. Если этот зигзаг у небольшо-

го сквера не принимать во внимание, то одна улица как бы продолжала другую.

Есть улицы и сейчас. Только имена получили другие. Не захотела Выборгская сторона сохранять имя барина-графа, назвала проспект именем рабочего паренька комсомольца Саши Кондратьева. И если с Кондратьевского проспекта сделать те самые повороты влево да вправо — попадешь как раз на улицу Комсомола. В 1918 году на этой бывшей Симбирской улице, в доме № 45, помещался «Районный комитет РКСМ Выборгского района — организатор боевых комсомольских отрядов Выборгской стороны по борьбе с контрреволюцией» (как сообщает ещё одна мемориальная доска).

Рядом они лежат: улица Комсомола и Кондратьевский проспект. А в зелёном скверике возле зигзага стоит памятник молодому комиссару гражданской войны Александру Кондратьеву. Комиссар на нём — в кожанке, на боку — деревянная кобура с маузером.

Ох, и мечтал же он об этой кожанке и об этом маузере!..

Никак ему без них нельзя было. Без кожанки Сашу и замечать-то никто не хотел, не то что слушать!.. А ему каждый день с буржуями драться надо.

Ещё весной 1918 года он, активист Социалистического союза молодёжи, подал заявление о приёме в партию большевиков. И хотя молод был — восемнадцать ещё не исполнилось, в партию Кондратьева приняли. И дело дали серьёзное: работать в рабоче-крестьянской милиции, бороться с контрой, помогать переселению рабочих из подвалов в хозяйские дома.

Не просто это было. Придут рабочие с ордером своего заводского комитета, а хозяева перед ними двери на засов: знать, мол, ничего не знаем, бумажки ваши — нам не указ!

Тут-то и появлялся Саша Кондратьев.

— Именем народной власти отпирай! — требовал. — Ишь, прихвостни буржуйские! Позапирались! Не желаете с пролетариатом жить? Можем предоставить место на «Спицной даче».

Хозяева сразу мрачнеют, рабочие хохочут. «Спицную дачу» тогда знали все. Была такая на Тимофеевской (ныне улица Ватутина) хибара из двух комнат. «Дачей» её в насмешку прозвали, а может, с горя, с беспросветной нужды рабочей. Жили в ней более тридцати человек. Каждое место на двоих приходилось: пока один работает — другой спит. Первый спать придёт, другой на завод уходит — место уступает.

Только не всегда дело смехом кончалось. Посмотрит иной домовладелец на Кондратьева — и за топор: «А ну сгинь отседова! Молод ещё распоряжаться тут!..»

Конечно, без кожанки какая у Саши солидность?

Сжалился над ним начальник отделения — отдал свою старую потёртую тужурку. На радостях Саша через Неву махнул: на Сергиевскую, 27 (ныне улица Чайковского), выпросил в автомобильном отделе Красной Армии портупею и кожаную фуражку со звёздочкой.

И верно — другим стал. Сразу контра на него внимание обратила: два раза стреляла из-за угла. А Саше и ответить нечем...

Снова пошёл к начальнику милиции:

— Дайте какой-нибудь револьвер.

Дали. Наган.

— А маузера нет? — спросил на всякий случай.

Маузера не оказалось.

Ну да хоть наган есть! С ним как-то спокойнее.

Время-то крутое шло, тревожное. На молодую Страну Советов со всех сторон враги лезли: с запада — немцы, с юга — французы, с севера — англичане. Белый адмирал Колчак двигался из-за Урала к Волге. Скольких уже своих друзей проводил Саша на разные фронты! Уехал на юг драться с генералом Калединым Оскар Рывкин, увезли под Псков эшелоны Петра Смородина, в бронепоезде № 44 имени Володарского укатил навстречу войскам генерала Юденича Василий Алексеев...

Саша пошёл в райвоенкомат. Вытянулся в струнку перед военкомом:

— Желаю вступить добровольцем в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Посмотрел на него военком — улыбнулся, документы прочитал — погрузтел.

— Не могу, — говорит. — Не имею права. Исполнится восемнадцать — тогда приходи.

— Так всего несколько месяцев осталось, — насупился Саша.

— Стало быть, и ждать недолго, — подвёл итог военком.

Ждать... Как это ждать, когда товарищи дерутся?! И часа не прошло, пожаловал Саша на Симбирскую, 22, — в Совет рабочих депутатов Выборгского района.

— Требую содействия, — говорит.

— Требуешь? И какого же?

— Прикажите военкому зачислить меня в армию.

— Не берёт?

— Не берёт.

— Правильно делает. Тебе же восемнадцати нету?

— Да что вам всем дались эти восемнадцать?! — взорвался Саша. — Я большевик или не большевик? Вы же мне сами партбилет вручали. А раз большевик, сколько лет — не играет роли. Он — солдат партии. Значит, и я солдат.

Добился-таки своего Кондратьев: отправили его в Москву, в распоряжение Реввоенсовета республики. Там опять с возрастом заминка вышла, но опять Саша своего добился: получил назначение ехать на Восточный фронт комиссаром 235-го Невельского полка.

Командир полка встретил Кондратьева сурово:

— Поможете там, в Москве, никого не нашлось? Откуда ты такой прыткий?

— Из Питера. С Выборгской стороны.

— Рабочий?

— Рабочий.

— Ладно... Повоюем — увидим, каков ты, питерский комиссар.

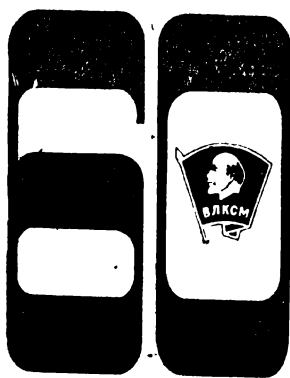
Увидел командир скоро: с бойцами Кондратьев дня за три перезнакомился, сдружился; о положении в стране рассказывает — заслушаешься; в бой идёт — пулям не кланяется.

Узнав о давней Сашиной мечте, подарил ему командир маузер в деревянной кобуре.

Вскоре комиссар в дикой разведке отличился. Где-то под Казанью пробрался он с группой бойцов в тыл к белым. Ползли долго. А вышли прямо на пулемёт. С тыла. Беляки, разумеется, отсюда их не ожидали. Навалились на беляков неожиданно, перебили всех, а пулемёт — новенький «максим» — к себе увезли.

Когда шёл бой, комиссара Кондратьева искать надо было только в первых цепях. По тылам не околачивался. Сам бойцов в атаку вёл. За что и пользовался их большим уважением.

— Ты бы не очень вперёд-то лез, — ворчал командир. — Не роён час подстрелят — где я другого такого комиссара возьму?

1918-1978

Говорит Владимир КУДРЯВЦЕВ, тракторист совхоза «Любань» Тосненского района, депутат сельсовета, член тосненского ГК ВЛКСМ

— Иногда соберутся бывшие одноклассники, уже взрослые люди, и рассказывают о себе. Кто чего в жизни добился, кто кем стал. И я с большой гордостью говорю: «Работаю трактористом».

Частенько зовут меня в школу рассказать ребятам о призвании, о деле. Прихожу в класс и думаю: «Что сказать им о моей не очень-то романтической профессии! Не космонавт же». И начинаю просто. Хотя бы с этого случая...

Уже сумерки легли на землю. Иду домой. Думаю о вкусном ужине. С дочкой Наталкой поиграю, сказку расскажу. Она у меня про поле и ветер любит. Только стал тяжёлые сапоги снимать, а тут вдруг приходит Маргарита Васильевна Шупер, наш агроном, с тревогой: ночью заморозки обещают. Вскосы могут погибнуть. Что делать! Размышляем вместе. «Давайте дымовую завесу», — предлагаю. Она, как одеялом, укутает поле, заслонит, защитит. И снова сапоги натягиваю. Мать только вздыхает: «Даже поесть не успел. Но что поделаешь. Работа. Как врач «скорой» ночью спешит к больному, так и мы торопимся на помощь зеленоющему полю».

А к делу своему я пришёл не сразу. Сначала, насмотревшись на работу своего приятеля-киномеханика, научился кино крутить. Работа вроде чистая и интеллигентная. Но гляжу, не то что-то, не по мне. Мать вроде бы довольна была. А вот отец... Он у меня уважаемый в совхозе механизатор. Так он сказал: «Не дело это. Скоро тебе в армию идти, а специальности нет». И вот однажды пришёл я домой и с порога матери выложил: «Объявляют приём на курсы. К весне трактористом буду». Мать, конечно, поняла, что нелёгкий путь выбираю, но решение моё одобрила. Отслужил я срочную, благодарности мои за службу мать на стенку вывесила. Гордится! Танкистом был, отличником. Вот мне и доверили в совхозе новенький трактор.

Три года отработал. Трудных, но, считаю, удачных. Подошёл к нашему парторгу: «Хочу быть коммунистом». Первое поручение было простым. Предложили стать звеньевым по выращиванию картофеля. Тут уж не только за себя, но и за товарищей отвечать надо. Но

— Не подстрелят,— улыбнулся Саша.— В меня на Выборгской с трёх шагов стреляли — промахнулись.

Саша и сам верил, что не подстрелят. Было дело — ранили разок, так ведь легко! Даже в госпиталь не поехал.

Наступила осень. Поля, дороги развезло так, что телеги проваливались по ступицу, ноги вязли, каждый шаг давался с трудом. Но полк всё-таки шёл вперед, гнал колчаковцев к Уралу.

10 октября 1918 года под Бугульмой белоказачий отряд отрезал от полка группу красноармейцев. В этой группе оказался и комиссар Кондратьев. Попытались было прорваться через кольцо — не вышло. Больно уж много было белых.

— Что ж,— сказал комиссар Александр Кондратьев.— Будем драться до последнего патрона. Занять круговую оборону!

Патронов было мало. Поэтому огонь вели только прицельный: чтобы наверняка. Казаки накатывались волнами. Под меткими вы-

ребята у меня в звене надёжные, не подвели. К осени поле набрало силы, получили отменный урожай. А как дорого он стоит полководцу! Встань чуть свет, ляг за полночь. Да и в свободное время частенько собираемся потолковать о делах. Спорим, какой боронкой лучше междурядья очистить, шумим насчёт завтрашнего рабочего маршрута. И каждый чувствует свою ответственность за поле, за нежные зелёные росточки. За будущий урожай. У нас без дружбы и взаимопомощи не обойтись. Каждый должен крепко надеяться на товарища. В поле, как в море. Наша дружба такая же крепкая, как морская.

Да, начал я со случая с заморозками. Так вот, в ту ночь их не было. Миновали. А пошёл дождь. Тёплый такой. В поле мы подежурили да и домой пошли. Не надо всю ночь костры жечь, дымовую завесу над полем держать. Можно и отдохнуть.

Вроде бы и не много героического в нашей работе. Не ледоколы и воздушные лайнеры водим, только трактора. Но вот подумаете, как нужен людям наш труд. Как обойтись без картофеля! Его недаром называют вторым хлебом.

Об этом я тоже раздумывал, когда сидел в зале на XVIII съезде комсомола. Слушал выступления делегатов. И свою жизнь оценивал. Особенно мне запомнилась речь Леонида Ильича Брежнева. С какой теплотой, доверием и гордостью он говорил о нас, о молодых! Какие огромные задачи ставит перед нами Коммунистическая партия, страна! А на недавнем Пленуме Центрального Комитета партии речь шла о сельском хозяйстве... Это и к моим товарищам, и ко мне непосредственно обращался Леонид Ильич, когда говорил о том, сколько больших дел впереди у тружеников села.

И вот я думаю: человек должен жить и работать там, где он родился. На своей земле. На родном отцовском поле. Любить его крепко, бескорыстно. Не боясь тяжёлой и «грязной» работы. Земля ведь не бывает грязной. Как и рабочие руки. Грязные руки только у бездельников.

Вот тогда никакие заморозки в жизни не страшны. И будет тёплый дождь, который напитает тёплой влагой и богатырской силой родное твоё поле.

Записала Т. ЖУРАВЛЁВА

стрелами пятились обратно, теряя своих в сыром поле. Но и красноармейские ряды редели. В пулемёте, за которым лежал Саша, осталась последняя лента. Вскоре и она кончилась.

Вытащив из кобуры заветный маузер, Саша притаился за бугорком, пересчитал патроны в маузере: четыре. И тут же услышал:

— Этого, в кожанке, взять живым!..

Саша выстрелил на голос и услышал в ответ стон. Значит, не промахнулся. И ещё три патрона в маузере!

Всего три...

Молчит Сашин маузер. Казаки всё ближе.

— Да без патронов он! — вскочил на ноги какой-то казак. И свалился на землю. Уже навеки.

— Сдавайся! — пронеслось над полем.

«Рано», — прикинул Саша. Ещё один патрон можно по врагам разрядить.

Остался последний...

И снова крик:

— Сдавайся! Куда тебе деваться?

И тут Саша встал во весь рост. Казаки тоже встали, ждут, когда он маузер бросит, поднимет вверх руки.

— Коммунисты не сдаются! — прокричал Саша.

И снова грохнул маузер, не дал осечки! Последний патрон Саша оставил для себя.

Когда подошли основные силы полка и прогнали белоказаков, Сашу нашли на месте его последнего боя. Он лежал, глядя в небо широко открытыми глазами.

Далеко от Бугульмы до родного Питера. Но бойцы Невельского полка постановили: похоронить комиссара на его родной Выборгской стороне. Тело Саши Кондратьева доставили в Петроград. А немного времени спустя до полка долетела весть: их комиссар Александр Кондратьев награждён только что учреждённым первым орденом Советской Республики — орденом Красного Знамени.

НА ДОМЕ № 1 по Кондратьевскому проспекту висит мраморная доска: «Кондратьев Александр Александрович, 1900 года рождения, член КПСС с 1918 года. Один из организаторов Социалистического союза молодёжи на Выборгской стороне. В годы гражданской войны — комиссар Невельского полка...»

Кондратьевский проспект переходит в улицу Комсомола. А от неё — рукой подать до набережной Фокина. До революции эта набережная называлась Сампсониевской. Коля Фокин как раз и был ткачом Сампсониевской мануфактуры, там он создавал первые ячейки комсомола. В дни Октября он доставал оружие, формировал отряды молодых красногвардейцев. Пятнадцати лет вступил в партию. Выборгская сторона Колю Фокина помнит.

Там же на Выборгской не так давно одна из улиц получила имя комсомольца Сергея Марго — вожатого первого пионерского отряда, созданного на заводе имени Карла Маркса.

А в Кировском районе между проспектом Стачек и линией Балтийской железной дороги лежит улица Васи Алексева. В парке имени 9-го Января вожаку комсомольцев Нарвской заставы поставлен памятник.

Много улиц нашего города — и старых, и новых — носят имена комсомольцев. Улица Александра Матросова, улица Типанова, улица Зои Космодемьянской, улица Володи Ермака, улица Лизы Чайкиной, улица Олега Кошевого, переулок Сергея Тюленина, переулок Ульяны Громовой...

А на Комсомольской площади в Кировском районе стоит памятник: на гранитном пьедестале высоко взметнул вверх руку молодой герой гражданской войны в легендарной будёновке. Это памятник не какому-то одному герою, а всем славным делам комсомола. Он не только украшает площадь, раскинувшуюся вблизи прославленного Кировского завода, — он зовёт! Вперёд, по славной дороге нашего героического комсомола!

Рис. В. Адаева

ЮРИИ ТОМИН карусели

над городом

рис. Ю. Шабанова

(ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ)

День третий

ГОЛУБОЙ СИЛУЭТ С ГОЛУБЫМИ ИГОЛОЧКАМИ

Лаборатория выглядела так, будто в ней повеселилась парочка обезьян. На столе и под столом валялись перепутанные провода. Из приборов на столе была сложена башня, грозившая вот-вот развалиться; инструменты, раньше аккуратно развешанные над верстаком, теперь были разбросаны по полу; даже шкаф был сдвинут со своего места. Но всё это было не главной новостью.

Возле стола стоял мальчик лет восьми. Он был закутан в одеяло, молча наматывал на палец кусок провода и изредка шмыгал носом.

— Опять вырос, — сокрушённо сказал Алексей Палыч.

— Ты зачем всё это наделал? — сурово спросил Борис.

— Я играл.

— Разве приборы для игры?

— Я не знал, — мальчик тяжело вздохнул.

— Мы тоже не знали, что ты вырастешь.

— Разве я вырос? — спросил мальчик.

— Ты что, смеёшься?

— Разве нужно смеяться? — спросил мальчик.

— Перестань дурака валять!

— А ты не поздоровался.

Борис мельком взглянул на учителя. Тот пожал плечами.

— Ну, привет, привет, — усмехнулся Борис. — Что ещё скажешь?

— Привет, — дружелюбно сказал мальчик. — Ты только не говори так

Продолжение. Начало в «Искорке» № 9.

громко. Мне это почему-то неприятно.

— Почему-то? — иронически переспросил Борис.

— Да, — серьёзно ответил мальчик. — Только я не знаю, почему.

Алексей Палыч положил Борису на плечо руку.

— Боря, — сказал учитель, — ты всё-таки с ним помягче. Ты не забывай, кто он.

— Алексей Палыч! — возмутился Борис. — Что же, так всегда будет? Он будет всё ломать, а его — по головке? Если бы я столько наломал!

— Ты и ломал, — сказал Алексей Палыч. — Пылесос, например.

— Правильно, — согласился Борис. — Но сколько мне было лет и сколько ему?

— А сколько ему? — спросил Алексей Палыч.

— Сколько тебе лет? — спросил Борис.

— Не знаю. А сколько нужно?

Борис ничего не ответил, только вздохнул — усталым таким родительским вздохом. Он был очень сердит в эту минуту. Ведь столько труда затрачено на лабораторию. Его личного труда и его выдумки. И тут появляется какой-то дурачок с какой-то дурацкой планеты и наводит свои порядки, вместо того чтобы подарить летающую тарелку или хотя бы лучевой пистолет. Правда, мальчишка не спорит и выглядит виноватым, но это почему-то злит ещё больше. Не будь здесь Алексея Палыча, космический гость получил бы пару затрещин.

Воспользовавшись минутой молчания, Алексей Палыч вытащил из портфеля булочки, сосиски и протянул их мальчику.

— На, поешь.

Мальчик взял одну булочку.

— Когда тебе что дают, нужно говорить «спасибо», — злорадно сказал Борис.

— Спасибо, — повторил мальчик и завертел булочку в руке, не зная, что с ней делать.

— Кусай, — приказал Борис и щёлкнул зубами, показывая, как нужно обращаться с булочкой.

Мальчик откусил кусочек, проглотил и положил булочку на стол.

— Не хочу.

— Ты что, вообще никогда не ешь?

— Я могу. Но я не хочу.

— Хочу — не хочу — это всё на твоей планете осталось, — строго сказал Борис. — У нас нужно есть.

Мальчик морщась, проглотил и булочки и сосиски.

— А теперь, — сказал Борис, — давай наводить порядок. Ты будешь всё ставить на место, как было. Чего не понимаешь, спрашивай. Мы тебе поможем. Так, Алексей Палыч?

— Так, так... — согласился Алексей Палыч, глядя на Бориса внимательно, будто открыл в нём что-то новое. — Так, давай попробуем.

Пока лаборатория принимала нормальный вид, в ней ничего интересного не произошло. Но в это время кто-то решительным шагом подошёл к двери, и подёргал её.

— Кто там? — спросил Алексей Палыч.

— Пожарный инспектор!

Спрятаться в лаборатории было совершенно негде. Спустившись на три ступени, инспектор увидел троих людей: двух ребят и одного взрослого, которого знал довольно давно.

— Ну, как тут у вас в нашем смысле? — спросил инспектор, протягивая Алексею Палычу руку.

— По-моему, всё хорошо. Сам делал, в соответствии с наставлением, — почтительно сказал Алексей Палыч, кося глазами в угол, куда Борис успел затиснуть мальчишку.

— Ну, это мы посмотрим, хорошо или плохо. Силовой ввод есть?

— Вот, к станку.

Инспектор подтащил табуретку в угол.

— Ну-ка, мальчик, подвинься, — попросил он, отодвигая рукой прищельца.

Как ни старался Борис заслонить мальчишку, взгляд инспектора всё же скользнул по невысокой фигурке, закутанной в одеяло. Только скользнул, не более. Проверив ввод силового тока, инспектор занялся осталь-

ной проводкой. Он влезал на верстак, на стол, светил в тёмных местах своим фонариком. Инспектор работал не спеша, добросовестно, не отвлекался, задавал вопросы только по делу, но, видно, какая-то посторонняя мысль сверлила его затылок. Какую-то ненормальность, желание что-то скрыть ощущал инспектор во всеобщем молчании. От инспектора почти всегда пытались что-то скрыть. Но ведь здесь проводка-то была в полном порядке! Наконец, инспектор нащупал эту мысль. Он развернулся на табуретке.

— А чего это вы мальчишку в одеяло закутали?

— Видите ли... — пробормотал Алексей Палыч. — Это в целях...

— Репетиция, — быстро сказал Борис первое, что пришло ему в голову.

— Ага, ага, — согласился инспектор, сразу утрачивая любопытство;

репетиция была словом привычным, житейским; во Дворце культуры инспектор бывал часто.

Осмотр заканчивался. Инспектор поковырялся в щитке с пробками, слез с табуретки, потёр ладонь о ладонь.

— Вроде всё в норме. Хотя не мешало бы вас и оштрафовать.

— За что же нас штрафовать?

— А так. Для порядка. Чтобы не репетировали.

Последнюю фразу инспектор произнёс в шутку. Он даже улыбнулся, что в практике инспекторов равносильно дикому хохоту.

— А почему вы тут репетируете? — спросил он, отыскивая глазами мальчишку.

— Это мой брат, — быстро сказал Борис.

— Ага, — кивнул головой инспектор, которому слова Бориса ровно ничего не объясняли. — Брат — это

хорошо. — Попрощавшись с Алексеем Палычем, инспектор ушёл.

Алексей Палыч запер дверь и вытер платком лицо. Борис хлопнул мальчика по спине. Тот посмотрел на Бориса с удивлением.

— Ты — молоток, — сказал Борис.

— Молоток? — повторил мальчик.

— Молоток — это значит молодец. Молодец, что молчал. А то бы мы погорели.

— Погорели? — снова спросил мальчик.

— Ну, влипли бы.

— Влипли... — в раздумье повторил мальчик.

— Ну, засыпались бы, понимаешь?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Засыпались — это значит... — уже с некоторым раздражением сказал Борис. — Это значит... это значит... — Борис умолк, взглянув на Алексея Палыча, и увидел, что тот улыбается. Борис нахмурился.

— Засыпаться это означает, что... — начал Борис, как на уроке, — что человек хочет что-то скрыть, а его... разоблачают. Ты молчал, и поэтому мы не засы... поэтому инспектор не разоблачил, что мы тебя скрываем.

— Теперь понятно, — сказал мальчик. — Это же очень просто. Удивительно, что я сразу не понял.

— Ты бы лучше подключился, тогда не придётся объяснять по десять раз, — посоветовал Борис.

— Подключился? А что такое — подключиться?

— Да не темни ты! — тоскливо сказал Борис. — Ведь мне же Алексей Палыч всё рассказал. Ты и сам слышал.

— Я слышал, — согласился мальчик. — Но я всё равно не понимаю, что такое подключиться. А ещё больше не понимаю, что такое темнить.

— Темнить — это значит скрывать правду! — закричал Борис. — А говорить «ещё больше не понимаю» — неграмотно! Надо говорить «ещё меньше понимаю»!

— Ты опять говоришь громко, — сказал мальчик. — Когда ты гово-

ришь громко, я ещё меньше понимаю. Но я не скрываю правду.

Борис посмотрел на Алексея Палыча, словно призывая его в свидетели тупости инопланетных жителей. Другой бы на месте Бориса мог насладиться чувством превосходства. Но Борис Куликов был не из этой породы. Он умел работать. Он знал, что может и чего не может. Если кто-то из его одноклассников не мог решить несложной задачи по математике, Борис не хохотал и не издевался над ним. Он делал своё дело, и из этого всегда что-нибудь получалось. Теперь же с мальчишкой не получалось ничего. И даже Алексей Палыч, с которым всё всегда у Бориса ладилось, теперь ничего придумать не мог, а плыл по течению. Вместо того чтобы посочувствовать, Алексей Палыч сказал:

— Боря, а ведь ты не соврал, когда сказал инспектору, что мальчик твой брат. Вы и есть братья — по разуму.

— У меня таких братьев — полный класс, — буркнул Борис. — Только они умнее.

— Боря, я понимаю тебя, — стараясь говорить как можно мягче, произнёс Алексей Палыч. — Я тем более понимаю тебя, потому... ну, потому что видал много разных ребят. Бывали и такие, от которых просто в отчаянье приходишь. Но они понимали, что делали. А наш гость не делает ничего назло. Он ведёт себя как положено ребёнку: если не понимает — спрашивает. Неужели ты хочешь, чтобы его «отозвали» только за это? Для меня само это слово звучит как-то жестоко. Будто не «отозвать», а убить.

Мальчик шевельнулся:

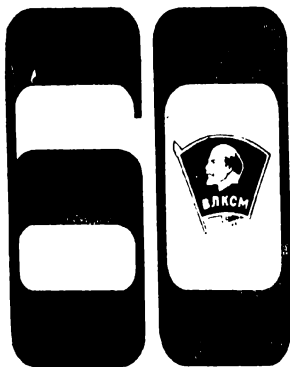
— Что такое «убить»? — спросил он.

— Это... ну, как бы тебе объяснить... — сказал Алексей Палыч. — Это так, вроде «отозвать».

— Отозвать?

— Да. Когда тебя отзовут, ты ведь с нами больше не будешь.

— Я с вами? — сказал мальчик. — Кто меня отзовет?

1918*1978

Говорит Александр РЫБНИКОВ, секретарь Петроградского райкома комсомола, член бюро обкома комсомола

— Бывает иногда в жизни человека такое: за один год происходит сразу несколько важных счастливых событий. Так случилось и у меня. В этом году меня избрали делегатом XVIII съезда комсомола да ещё и делегатом XI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. И если в Москве, на съезде, я был представителем ленинградской молодёжи, то в Гаване, на Всемирном фестивале, я был посланцем уже всей нашей Страны Советов. Это очень высокая честь. Но знаю, что на обоих замечательных форумах я был только частичкой молодёжи своей Родины, моего города, Петроградского района. И я горжусь этим.

О чём может рассказать комсомольский секретарь! Конечно, о делах молодёжи своего Петроградского района. У нас 61 тысяча юношей и девушек, они работают на фабриках и заводах, учатся в школах, ПТУ и вузах. И трудятся, и учатся — отлично. Но мне хочется рассказать о другом очень важном деле комсомольцев нашего района.

Вы все знаете о фестивале в Гаване. Его участники — юноши и девушки более чем из ста стран мира — собрались для того, чтобы сказать «нет!» войне и страшной нейтронной бомбе, голоду и нищете. Они говорили о мире, пели радостные песни о дружбе и счастье на всей планете. Если молодёжь будет дружить — войне не быть. Ведь друзья не поднимут друг на друга оружие.

Мы дружим с разными странами. Двадцать шесть заводов, фабрик и институтов района стали коллективными членами обществ дружбы с зарубежными странами, а объединение «Салют» и крейсер «Аврора» дружат с Кубой.

Чуть-чуть подробнее расскажу, как стали добрыми товарищами ребята из 67-й ленинградской школы и ученики школы имени Ленина в Гаване. Из города на Неве в столицу острова Свободы летят письма на... испанском языке. Ведь в 67-й школе изучают испанский язык! Ребята пишут о своей учёбе, о пионерских сборах и комсомольских собраниях. Обмениваются открытками и значками, устраивают выставки. В школе организован клуб «Дружба». И ещё есть замечательный музыкальный ансамбль, в нём играют ленинградские школьники и маленькие кубинцы. Они учатся в этой школе, а их родители работают в нашем городе.

Когда слушаешь их весёлые, светлые песни, то невольно думаешь: все люди на Земле должны дружить вот так, как эти русские и кубинские ребята.

Записала Т. ЗАБОРИНА

Алексей Палыч многозначительно посмотрел на Бориса.

— Никто тебя не отзовёт, — сказал он. — Ты будешь с нами. Это была шутка.

— Что такое шутка?

На этот раз в затруднении оказался и Алексей Палыч.

— Боря, — сказал он, — ты у нас специалист по переводу с русского на русский. Может быть, попробуешь?

— Не могу я, Алексей Палыч, — взмолился Борис. — У меня и так в голове как будто каша. А тебе потом объясню, — сказал он мальчику. — Ведь не горит у тебя?

— Не горит?

Борис застонал. Не голосом застонал, а так — внутренне. В школе ему давно уже объяснили, что русский язык богат и разнообразен. Но это был тот случай, про который говорят: «Язык мой — враг мой».

— Ты можешь обождать? — простонал Борис, на этот раз вслух. — Не обязательно, чтобы я всё немедленно объяснял.

— Я могу обождать, — послушно сказал мальчик. — Ты, Боря, хороший, когда не кричишь.

— А ты не слишком хороший, — сказал Борис. — Ты всё время растёшь. А это уже не шутка. Мы не знаем, какую одежду тебе доставать. Долго ты будешь расти?

— Я не знаю, — тихо сказал мальчик.

— А я знаю, — решительно сказал Борис. Взяв мальчика за руку, он подвёл его к стене. — Алексей Палыч, какой рост ему лучше всего сделать?

— Я думаю, хорошо, если бы вы были примерно одного роста. Но каким образом?

— А это пускай он сам соображает. Или ОНИ пускай думают. — Борис показал пальцем вверх. — Посылают человека в такую даль без штанов, а мы должны изобретать. Может быть, они нас сейчас слышат? — Борис задрал подбородок и проговорил в потолок. — Эй вы, товарищи, или пришлите одежду, или перестаньте его растить! — Спихватившись, Борис глянул на мальчика, но тот ничего не сказал. Борис поправился. — Или сделайте так, чтобы он не рос выше этой черты.

Борис прислонил мальчика к стене, встал с ним рядом и карандашом провёл на уровне своих глаз черту.

— Нормально? — спросил он учителя.

— Это было бы неплохо, — согласился Алексей Палыч.

— Ну и всё, можно покупать на такой размер.

— Ты уже, кажется, начал расправляться в космосе, — усмехнулся Алексей Палыч.

— Больше я ничего не могу придумать.

— Да я не в укор, — сказал Алексей Палыч. — Мне, например, это и в голову не пришло. Будем надеяться. Впрочем, у меня завтра свободный день, я с утра зайду сюда на примерку. А теперь давай по домам.

Если нас будут домашние разыскивать да заглянут сюда, это может кончиться плохо. Мама ведь не инспектор, ей не докажешь, что он твой брат.

Наказав мальчику ничего не трогать, не шуметь, не включать света и, убедившись, что тот как будто бы всё понял, они вышли из подвала и заперли дверь. Всю дорогу до перекрёстка, где они должны были расстаться, Алексей Палыч молчал, что-то обдумывая. Борис уже собирался повернуть в свой переулок, когда Алексей Палыч сказал:

— Боря, ты мне так и не ответил... Мне кажется, эта история не очень тебе нравится. Точнее, тебе неинтересно. Я уже говорил: ты — свободен. Тем более, что скоро каникулы... Я хочу сказать, что ты никому ничего не обязан. Ни ему, ни мне.

— А вам интересно? — спросил Борис.

— Для меня это слово не подходит. В этом случае я не могу сказать «интересно» или «неинтересно». Слова вроде «должен» или «не должен» тоже тут не годятся. Просто у меня ощущение, что я, как человек, не имею права отослать его обратно. А ты как думаешь?

— Наверное, вы правильно говорите, — сказал Борис. — Я это понимаю, только сам так не думаю. Я хочу знать — для чего мы стараемся? Может быть, мы от него вообще завтра взорвёмся.

— Ты боишься?

— Не боюсь, а хочу знать — зачем? — упрямо повторил Борис.

Эту черту характера — упрямство — Алексей Палыч уже подмечал в Борисе. Правда, до сих пор она проявлялась в деле. Можно ли было назвать историю с мальчиком делом, Алексей Палыч и сам сомневался.

— Когда-то братья Монгольфье запустили первый воздушный шар, — сказал Алексей Палыч. — На запуск собралось много народу. Среди зрителей находился Франклин. Увидев полёт, он сказал: «Не вижу, чтобы из этого могла получиться какая-то

польза». А ведь он был великий учёный.

— Намёк понял, — сказал Борис. — Только вы тоже не ответили на мой вопрос. Я не боюсь. Не нужно мне никакой свободы. Я вам буду помогать, раз так получилось. Я никому ничего не скажу. Но если мы засыплемся, Алексей Палыч...

— Ты хочешь сказать: нас разоблачат? — улыбнулся учитель.

— Я хочу сказать: мы можем влипнуть, — ответил Борис. — За себя я не боюсь. А вот вы — учитель, вам мало не будет.

Алексей Палыч покачал головой. На том заговорщики и расстались. И ничего существенного больше не произошло в этот день, если не считать... Если не считать того, что как раз в этот момент у дверей подвала стояла Ефросинья Дмитриевна. Зная, что учитель часто по вечерам копошится в подвале, Ефросинья Дмитриевна свернула туда по дороге домой.

Дверь была заперта на замок. Ефросинья Дмитриевна собиралась уже уйти, как вдруг заметила, что от подвального окна тянется тоненький синий лучик. Наклонно он уходил далеко в небо и там терялся. Конечно, она не могла догадаться, что всё было как раз наоборот. Не в небо, а с неба шёл этот луч, проникал в ту самую дырочку и кончался в лаборатории. «Забыли выключить прибор, — подумала Ефросинья Дмитриевна. — Пожару ещё мне тут надо делать». Она прильнула лицом к стеклу, заглянула в дырочку. Окно изнутри было завешено газетой, но в ней тоже имелась дырочка — маленькая, как укол. Много разглядеть не удалось, но всё же Ефросинья Дмитриевна увидела как бы светящийся силуэт, окаймлённый как бы синенькими иголочками. Силуэт медленно угасал, пока не растворился в темноте.

Ефросинья Дмитриевна прижала к дырочке нос: горелым не пахло.

В лаборатории было темно и тихо. Лучик тоже исчез.

— Есть кто там? — спросила Ефросинья Дмитриевна, целясь губами в дырочку.

Тишина. Темнота. Молчание. Поставив немного у окна, Ефросинья Дмитриевна направилась к дому. Теперь она была уже точно уверена, что в лаборатории творится какое-то беззаконие. Правда, на языке Ефросиньи Дмитриевны беззаконием считался даже неплотно закрытый крап, из которого капало по капле в час. И тогда это было бы полбеда. Но на сей раз Ефросинья Дмитриевна ушла с твердым убеждением, что подозрения её были не напрасны: в лаборатории делались какие-то тёмные дела.

День четвёртый

МЕЛКОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Наступило утро четвёртого дня с тех пор, как был установлен контакт. На судьбе нашей маленькой планеты это никак не отразилось. Не изменилась жизнь и в Кулёминске, который неторопливо вращался вокруг земной оси, подставляя бока восходящему солнцу. За четыре дня чувство опасности несколько притупилось. У входа в подвал Алексей Палыч уже не озирался по сторонам, но, войдя, дверь всё же запер.

— Палыч, привет, — сказал мальчик, и в тоне его явно слышалось удовольствие. — Я слышал, как ты идёшь. А вчера здесь был не ты.

— А кто же? — встревожился Алексей Палыч.

— Не знаю. Я слышал, как он уходил. Ты, Палыч, не бойся. Я ничего не трогал, не шумел и не включал свет. Я только посмотрел в эту дырочку, — мальчик показал в сторону окна, завешенного газетой.

— Как же он выглядел?

— Не так, как ты.

— Это ясно, — сказал Алексей Палыч. — Не сможешь ли ты его нарисовать?

Алексей Палыч подал мальчику листок бумаги и карандаш. К его удивлению, мальчик очень легко, несколькими штрихами изобразил жен-

скую фигуру. Рисунок оказался настолько верным, что ошибиться было невозможно.

— Это не он, а она, — вздохнул Алексей Палыч. — Это женщина. Её зовут Ефросинья Дмитриевна. Что она делала?

— Ничего. Сказала: «Есть кто там?» Потом сказала: «Господи, господи». Потом ушла.

— «Господи, господи...» — пробормотал Алексей Палыч. — Этого ещё не хватало. Впрочем, всё равно пора тебя выводить отсюда. Ты уже не младенец.

Да, теперь уже нельзя было сказать, что перед Алексеем Палычем стоял младенец. За ночь мальчик подрос ещё и теперь стал ростом примерно с Бориса. Алексей Палыч подвёл его к стенке, к черте, проведённой карандашом. Всё было точно до миллиметра.

— Значит, у вас слышат, о чём мы говорим? — спросил Алексей Палыч.

— У нас? — переспросил мальчик, и на его лице было искреннее недоумение.

— Ладно, — сказал Алексей Палыч, — это неважно. Лучше скажи, ты ещё будешь расти?

— Теперь я знаю, почему Боря вчера говорил громко. Я не должен расти?

— Нам вообще-то не жалко, — пояснил Алексей Палыч. — Но ведь не можешь ты всё время ходить в одежде. А мы не можем менять тебе одежду так часто.

— Теперь я знаю, — сказал мальчик. — Я не буду расти.

— Есть хочешь?

Мальчик засмеялся.

— Вчера — есть, сегодня — есть. Разве всегда нужно есть?

— Мы едим каждый день, — осторожно сказал Алексей Палыч.

— А я не хочу. Но, если ты хочешь, давай, буду есть.

Алексей Палыч смутился и зачем-то похлопал себя по карманам.

— А у меня как раз нет еды. Я сейчас принесу.

— Не нужно, — сказал мальчик. — Я никогда не хочу.

— Слушай... — Алексей Палыч

вдруг запнулся. Безликое это обращение давно уже ему не нравилось. — Как тебя зовут?

— Не знаю.

— А как тебя зовут у вас, дома?

— У нас? — снова удивился мальчик. — Я тебя не понимаю.

— У каждого человека есть имя. Меня зовут Алексей Палыч...

— Тебя зовут Палыч, — поправил мальчик.

— Ну, пускай так. Борю зовут Борей. Тебя тоже надо как-то называть. Выбирай.

— Называй меня Палыч. Мне так нравится.

— Двух Палычей будет многовато. Лучше как-то по-другому.

— Тогда — Боря.

— Боря у нас уже есть. Ещё думай.

— Сенька-зараза, — сказал мальчик.

— Что?! — переспросил Алексей Палыч.

Мальчик кивнул в сторону окна.

— Там они всё время кричат: «Сенька-зараза, отдай мне! Сенька-зараза, не твой ау!» Наверное, Сенька-зараза хорошее имя, раз они всё время кричат.

— Не совсем хорошее, — сказал Алексей Палыч, решив не пускаться в объяснения. — Давай я попробую.

Алексей Палыч задумался. Может быть, инопланетное происхождение мальчика было тому виной, но в голове учителя всплывали любые имена, кроме русских.

— Феликс! — воскликнул Алексей Палыч. — Кажется, на нашем языке это означает «солнечный» или «счастливым».

— Тогда и зови на нашем языке, — сказал мальчик. — Сенька-зараза мне нравится больше, но пускай будет «солнечный» или «счастливый».

— Нет, — возразил Алексей Палыч, у которого тоже имелись свои слабости. — Феликс звучит гораздо лучше. У нас в Кулёминске ещё нет ни одного Феликса. Ты будешь первым. Согласен?

Мальчик согласился без особой охоты. Наверное, правду говорят,

что первая любовь — самая сильная. Первой любовью Феликса продолжал оставаться Сенька-зараза.

— А теперь, Феликс, — сказал Алексей Палыч с некоторой торжественностью, — я иду за одеждой. А ты посиди тут тихо. Ладно?

— Посижу, — согласился Феликс.

Алексей Палыч направился к двери. Феликс его окликнул:

— Палыч...

— Да, Феликс?

— Они там бегают, кричат... — Феликс показал на окно. — А что они ещё делают?

— Они? Ну, ещё они учатся, спят, едят, смотрят телевизор, ездят на велосипедах, ходят в кино, просто бездельничают.

— Я тоже хочу бегать, кричать и учиться.

— Послезавтра каникулы, — сказал Алексей Палыч. — Учиться они перестанут.

— Я тоже хочу смотреть, ездить и просто бездельничать, — настойчиво повторил Феликс. — Ведь я такой же, как они. Это ты не такой.

— Ты прав, — подтвердил Алексей Палыч. — Ты такой, а я не такой. Но я был таким и поэтому тебя хорошо понимаю. Я тебе обещаю: ты будешь бегать, смотреть и всё остальное.

— Правда?

— Правда.

— И я увижу Сеньку-заразу?

— Обязательно.

— Когда?

— Скоро, — неопределённо пообещал Алексей Палыч. — Ты меня жди. Я вернусь через два часа.

Алексей Палыч ушёл. Точнее говоря, сбежал. Сбежал от вопросов, на которые ему всё равно придётся ответить.

...Когда Алексей Палыч вернулся в лабораторию, он увидел такую картину: Борис и Феликс сидели за столом, между ними стояла шахматная доска с фигурами. Они спорили. В том, что шахматисты спорят, нет ничего удивительного. Но вот о чём они спорят, Алексей Палыч понял не сразу.

— Разве я неправильно сходил? —

спрашивал Феликс. — Ты же сам показывал, что конь ходит так.

— Правильно, но плохо, — отвечал Борис. — Я его бесплатно возьму.

— Бери, пожалуйста.

— Так не играют.

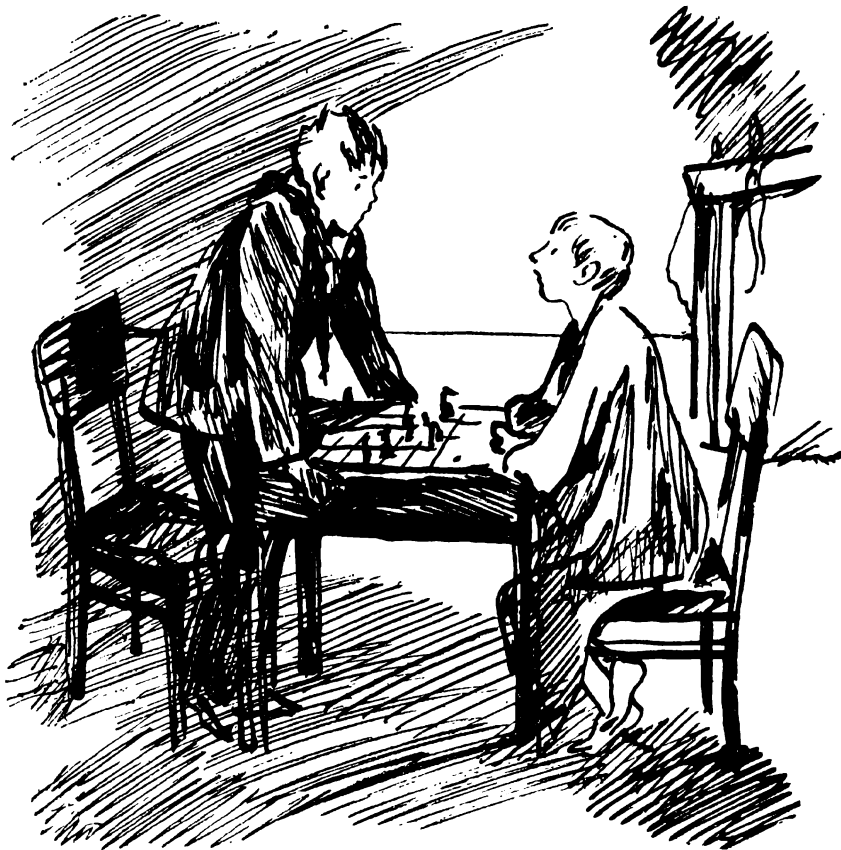
— Почему? — удивился Феликс. — Ты ведь сам объяснил: нужно взять как можно больше фигур противника. Я — противник. Вот и бери. Тебе ведь хочется взять?

— Так не играют, — сказал он. — Пойми ты, я должен стараться взять у тебя, а ты у меня.

— Я стараюсь. Но ведь ты не даёшь. Ты дай, тогда я тоже возьму.

— Да пойми ты! — повысил голос Борис. — Игра в том и заключается, чтобы не отдавать ничего!

— Ты опять говоришь громко, — сказал Феликс. — Я не понимаю. Хочешь взять — не берёшь. Нужно взять больше — нужно не давать ни-

— Мало ли что хочется... Мне, может, хочется десять фигур взять!

Феликс аккуратно отсчитал десять своих фигур, сгрёб их с доски и протянул Борису.

— Бери десять, пожалуйста.

— Ну, и с чем ты остался?

— У меня ещё осталось шесть штук, — дружелюбно ответил Феликс. — Дать тебе ещё?

Борис снова поставил фигуры на прежнее место.

чего. Я хочу взять — нельзя. Ты хочешь взять — нельзя. Никто никому ничего не даёт, а взять нужно...

— Не взять — просто взять, а взять — съесть.

— Съесть? Разве это тоже едят?

— Выиграть, — простонал Борис. — Это называется выиграть фигуру. Вот, смотри, — Борис снял с доски коня, а на его место подвинул свою пешку. — А теперь ты постарайся у меня что-нибудь выиграть.

— Понимаю,— сказал Феликс. Он убрал с доски белого короля, а на его место переставил свою пешку, которую от короля отделяло пять клеток.

Борис смахнул с доски фигуры на стол.

— Вот и поговори с ним,— сказал он, обращаясь к Алексею Палычу.

Феликс не обиделся. Похоже даже было, что он обрадовался.

— Теперь ты взял все,— сказал он.— Теперь ты доволен?

— Все?! — закричал Борис.— Все у меня и дома были. Незачем было их приносить.

— Если незачем, то зачем принёс? — спросил Феликс.

— Да, с тобой не соскучишься! — сказал Борис.

— Тебе со мной весело?

— Ещё и как... — вздохнул Борис.

— Я постараюсь,— пообещал Феликс.— Будет ещё веселей.

— Это уж точно,— сказал Борис.

Алексей Палыч решил, что наступило время вмешаться. За Феликса он не опасался: кажется, у того был спокойный характер. Алексей Палыч решил пощадить нервы Бориса. Нервы эти, как уже понимал учитель, скоро потребуются все до единого.

— Боря,— примирительно сказал Алексей Палыч,— ты представь, что попал в незнакомую страну, и вот тебя учат играть в круглики...

— Какие круглики?

— Ну, допустим, у них такая игра.

— Буду делать, как они, и научусь.

— Вот как раз в шахматы так нельзя. Если ты будешь повторять ходы противника, то обязательно проиграешь. Уметь играть и уметь обучать игре — это совершенно разные умения. И давай договоримся — не нервничать. Думаю, что умение обучать нам понадобится в ближайшее время больше всего. В особенности тебе.

— Мне?!

— Именно тебе,— сказал Алексей Палыч.— Но об этом мы поговорим

позже. А теперь давай займёмся примеркой.

Когда Феликса переодели, вид у него оказался вполне приличный. Даже слишком приличный, словно его только что вынули из витрины.

— Ну как? — спросил Алексей Палыч.

— Ничего,— ответил Борис.— Если бы ему ещё немного штаны запачкать... курточку чутко порвать... ботинки грязью потереть.

— А вот это он уже сделает с твоей помощью,— сказал Алексей Палыч.— Боря, мне кажется, что мы больше не имеем права его здесь держать. Иначе всё это не имеет смысла. И ещё я тебе вот что хочу сказать: он сейчас примерно твой ровесник и ты ему нужен больше, чем я.

День пятый и шестой

НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ

Честно говоря, ехать в лагерь Борису не слишком хотелось. Спортом он не увлекался, без компании обходился довольно легко. На лето у него были другие планы. Но учитель посмотрел на дело совершенно иначе.

— Да это же то, что нужно,— сказал он.— Мы с тобой голову ломаем, что делать с Феликсом... А если вас вместе отправить?

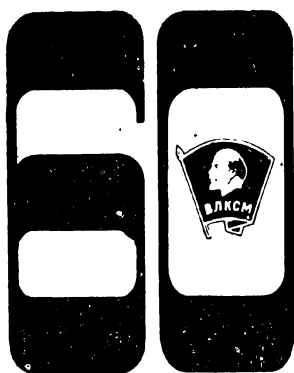
— Его там сразу разоблачат,— засомневался Борис.

— Что значит «разоблачат»? Кому в голову может прийти, что он ОТТУДА? Это мы с тобой знаем, да и то потому, что видели, как он появился. А ты посмотри на него со стороны: мальчик как мальчик, немного со странностями. Но у кого нет странностей? У каждого человека — свои.

— Ничего себе особенность — не ест!

— Но ведь он может есть. Мы его предупредим. Он мальчик послушный. Если ты не согласен, предлагай свой вариант. Ты же сам понимаешь, что оставлять его в лаборатории нельзя. Вот тогда-то его, наверное, обнаружат.

— Может, где-нибудь в лесу спрятать?

1918★1978

Говорит Елена ДЕНИСОВА, мастер-повар комбината общественного питания объединения «Светлана», депутат Выборгского районного Совета народных депутатов, лауреат премии Ленинского комсомола

— Не помню, чтобы в детстве кто-то из моих друзей мечтал стать поваром. Не мечтала и я. Непрестижная была почему-то профессия. Правда, я любила помогать матери готовить праздничные обеды и украшать салаты. Однако после восьмилетки поддалась настроению класса, отнесла документы в радиополитехникум и... срезалась...

В кулинарное училище поступила так: попробовать, понравится ли.

Понравилось.

Столовая, столовка... Куда перспективнее повару-фантазёру, повару-изобретателю работать в крупном ресторане или кафе. На комбинате общественного питания предприятия никто не требует этих качеств. Рабочая столовая — не ресторан. Нечего тут и сравнивать. Так ведь!

Нет, не так. Я попросилась на завод именно потому, что сравнивала. Мне хотелось и здесь кормить так же вкусно и красиво, как на тех высокопоставленных банкетах. Удалось ли мне это!

Если вы придёте в нашу столовую летом, можете полакомиться взбитыми абрикосами. Этот десерт сначала я показала на международном смотре молодых поваров, кондитеров и официантов в Будапеште, а потом вместе с нашими девочками внедрила у себя в столовой. Но это, конечно, не всё. У нас проводятся выставки-продажи и мясных, и рыбных, и овощных блюд. Одних только закусок готовим порядка пятнадцати наименований. Здесь и заливные, и студни, и всевозможные салаты. Наш комбинат общественного питания, по сути дела, ещё один заводской цех. А некоторые так

— Скоро дачники понаедут, грибы начнут... Где его спрячешь? А главное, он должен быть среди людей. Я в этом совершенно уверен. Давай, Боря, думай. Если ты не согласен, я буду что-нибудь изобретать.

— Хорошо, я попробую. Только вы не обижайтесь, если не выйдет.

— Я не обижусь, — сказал Алексей Палыч. — Главное, чтобы он не обиделся.

...С путёвкой для Феликса, на что втайне Борис надеялся, трудностей не оказалось. Всё обошлось удивительно просто.

— Он ваш родственник? — спросил начальник лагеря, который когда-то учился у Алексея Палыча.

— Не совсем, — осторожно ответил Алексей Палыч.

— Знакомый?

— Он издалека, — сказал Алексей Палыч. — Его на лето не с кем оставить.

— Мальчика как зовут?

— Очень просто — Феликс.

— А фамилия?

А фамилии у него нет, — сказал Алексей Палыч и тут же мысленно стукнул себя кулаком по темени. — Ну, вы понимаете, я хочу сказать: нет такой звучной, такой красивой фамилии. Он — Солнечный.

— Очень даже оригинальная фамилия, — не согласился начальник лагеря, заполняя путёвку. — Вот, пожалуйста. Смена начинается завтра. Вы его сами приведёте?

— Нет, он придёт с моим учеником Куликовым Борисом. Вы их, пожалуйста, поселите вместе.

и называют столовую «Цех номер один». Всё верно. Ведь от того, сумели ли мы вкусно и быстро накормить светлановцев, зависит их настроение, их работоспособность.

Если ваши родители или знакомые работают на «Светлане», они могут вам рассказать о таком чуде из чудес. Вы входите в обеденный зал, а перед вами касса-автомат, как в метро. Бросили пятьдесят копеек — автомат пропускает вас к раздаче. Но если вы думаете, что комплексный обед — это то, «что дадут», вы глубоко ошибаетесь. Выбирайте! Вот три первых, вот три вторых. На третье компот, молоко, мороженое! И никакой суеты, очереди. А грязную посуду увозит в мойку движущаяся лента. Такая механизированная линия называется «Сурко». Разработали её ленинградские специалисты.

Скажите, ну разве не интересно работать с такой техникой! Что и говорить, и в нашем поварском деле многому не научишься, если будешь только «приставлена к борщам». Нужны знания профессиональные.

В цех диетического производства, которым я сейчас руковожу, все девушки пришли после окончания ПТУ. Над ними берут шефство опытные повара. Вот и у меня есть подопечная. Тамара Киселёва. Мне кажется, сумела я «заразить» её своим увлечением.

Чувство гордости за свою профессию не покидало меня и во время работы XVIII съезда комсомола. Сажу в зале Дворца съездов, слушаю слова Леонида Ильича Брежнева об ответственности, об инициативе, о той высокой оценке, которую наша партия даёт труду молодых, и думаю о том, что вот я, простая повариха, сижу в этом зале вместе с учёными, врачами, изобретателями. Нет, не простая повариха! Престиж нашей профессии сейчас намного выше, чем прежде. И на ум пришли такие строки: «Земля ещё и потому щедра, что в мире существуют повара».

Записала Н. ТЕГЛЕВА

— Сделаем, — сказал начальник.

...Начался уже второй день каникул, когда Алексей Палыч, махнув рукой на все предосторожности, ясным утром вывел Феликса из подвала. Никто не заметил, как они выходили, а дальнейшее было не так уж и страшно. Любой школьник имеет право ходить рядом со взрослым, если он не голый или не завернут в одеяло. Той же улицей Алексей Палыч и Феликс двинулись к лесу. Там должен был ждать Борис.

— Теперь мы будем с тобой видеться не каждый день, — сказал Алексей Палыч.

— Ты уезжаешь? — спросил Феликс.

— Нет, у нас начинаются экзамены. Я не смогу приходить к тебе часто.

— Что такое экзамены?

— Феликс, — сказал Алексей Палыч, — сегодня у тебя начинается совсем другая жизнь. Там будет много ребят, таких, как ты. Но ты не всё у них спрашивай, если что-то не понимаешь. Всё спрашивать можно только у Бори.

— А Боря там будет?

— Боря всё время будет с тобой. Но там будут и взрослые. Ты должен делать всё, что они говорят. Ну, и конечно, ты должен есть, как и все остальные.

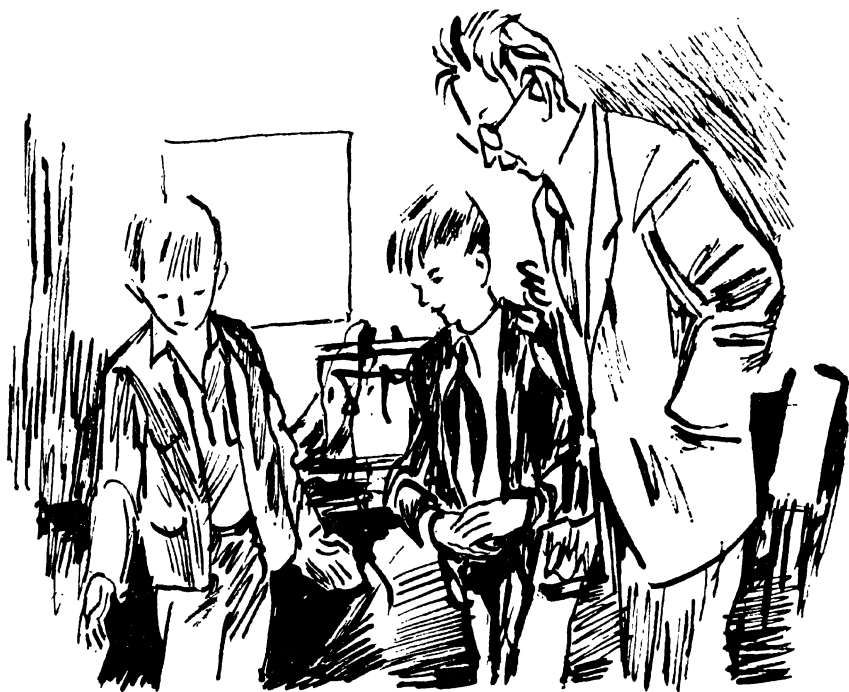
Феликс поморщился.

— Это обязательно?

— Обязательно. Тогда ты будешь такой же, как они.

— Я буду бегать, играть, смотреть и бездельничать?

— Каждый день.

— А там будет Сенька-зараза?

— Возможно, — сказал Алексей Палыч, прикидывая, кто бы мог быть этот Сенька? Пожалуй, Семён Дегтярёв из седьмого. По вредности характера прозвище было ему в самый раз.

На опушке леса их ждал Борис. В руках он держал чемоданчик, в котором хватило места и для вещей Феликса.

— Я постараюсь вас навестить в ближайшее воскресенье, — пообещал Алексей Палыч.

— В ближайшее не пустят, — сказал Борис. — Родительский день — через две недели. Мне отец говорил.

— Меня пустят, — успокоил его Алексей Палыч. — А теперь, Боря, всё зависит от тебя. По-настоящему я освобожусь только в конце июня. Вот тогда...

— А что «тогда»? — спросил Борис.

Но Алексей Палыч и сам не знал, что будет тогда. А если бы даже и знал? Конечно, можно кое-что изменить в мелочах. В главном выбора не было: мальчик должен жить среди людей или отправиться обратно.

Глядя вслед удаляющимся ребятам, Алексей Палыч очень хотел, чтобы всё окончилось хорошо. Но что такое «окончилось» и что такое «хорошо», он тоже не знал. К стыду своему, Алексей Палыч не испытывал никакого чувства ответственности перед жителями нашей планеты. Еще меньше его волновали заботы учёных, посвятивших себя «контактам». Алексей Палыч видел перед собой живого мальчишку — наивного и потому беззащитного. Этому мальчишке и желал он найти своё неземное счастье. Но в чём заключалось это счастье, угадать было невозможно.

В Кулёминский спортивный лагерь собрались ребята со всего района. Сейчас они уже ехали на автобусах и электричках. Но Борис и Феликс шли пешком. От Кулёминска до лагеря было всего три километра. Феликс ещё раньше выслушал подробные наставления Алексея Палыча. Теперь он внимательно слушал Бориса.

— Это тебе не в подвале сидеть, — говорил Борис. — Там распорядок дня. В одно время все встают, в одно

время все ложатся. Не вадумай по ночам куда-нибудь бегать. Все встают — и ты вставай. Когда будут занятия, делай, как все. Когда не будет занятий, держись поближе ко мне. Если тебя кто-нибудь тронет, скажи. Если сам будешь драться, не бей по лицу — синяки остаются.

— А зачем бить по лицу? Ты Палыча бьёшь по лицу?

— Не говори глупостей: Палыч — учитель, его бить нельзя.

— А тебя Палыч бьёт по лицу?

— Я же говорю: Палыч — учитель, он никого бить не может.

— Тогда я хочу быть учителем, — сказал Феликс.

Борис собирался было рассердиться — ему начинали надоедать глупости. Но тут же он подумал, что терпение надо беречь. Ведь всё только ещё начиналось.

— Ты не можешь быть учителем, — пояснил Борис. — Для этого надо много учиться. А ты даже читать не умеешь.

— Я умею читать, — возразил Феликс.

— Когда же ты научился? — скептически спросил Борис. — У себя дома, что ли?

— У себя дома, — подтвердил Феликс.

Борис огляделся. Искать долго ему не пришлось. В лесу хватало всякого мусора. Борис поднял обрывок бумаги с крупными буквами.

— Читай, если такой грамотный.

— «Не засоряйте лес! Он ваш др...» — прочёл Феликс. — Боря, что такое «др...»?

— Друг, наверное, — догадался Борис и вдруг заметил, что Феликс держит текст вверх ногами. — Не так, — сказал он и повернул обрывок. — Вот как надо.

— Не так, — возразил Феликс и вернул обрывок прежнее положение.

— Не воображай, что ты такой фокусник, — сказал Борис. — Крупные буквы и я могу читать вверх ногами. Ты вот это прочитай. И снова далеко ходить не пришлось. От-

бросив обрывок плаката, Борис тут же подобрал кусок газеты. — Читай!

— «Не засоряйте лес! Он ваш др...» — сказал Феликс.

— Это ты уже прочитал, читай вот это.

— Я не читаю, а говорю, — сказал Феликс, показывая на обрывок, брошенный Борисом. — Лес наш др., а ты его засоряешь.

Борису показалось, что при этих словах Феликс едва заметно улыбнулся. Может быть, он не так уж и глуп, как выглядит? Нет, наверное, показалось. Просто мальчишка ещё совсем тёмный и всё понимает буквально.

— Я тебе говорю — читай.

Феликс повернул текст вверх ногами и быстро прочёл:

— ..ершение нужно помнить: каждой брига... дует хорошо подготавливаться... левым работам. Учитывая опыт прош...»

— Хватит, — прервал Борис. Он взял из рук Феликса обрывок, повернул его нормально и пробежал глазами. Всё было верно. — Кто же тебя так читать учил?

— Меня никто не учил, — сказал Феликс. — Я всегда умел читать. У себя дома, в лаборатории, я прочитал газету пять раз. Не смог прочитать только одну букву: там была дырка.

Борис постарался вспомнить. Да, газета, которой было завешено подвальное окно, висела вверх ногами: заголовок крупными буквами просвечивал внизу.

— Лучше бы ты совсем не умел читать, — вздохнул Борис. — Нет у меня времени тебя переучивать. Мы уже скоро придём.

На этот раз Борис не швырнул обрывок бумаги на дорогу. Стараясь сделать это незаметно для Феликса, он скатал обрывок в кулаке и сунул в карман. Ему легче было поступить так, чем снова объясняться с мальчишкой.

— Теперь слушай дальше, — сказал Борис. — В лагере будут девочки.

(Продолжение следует)

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

Баллада о возвращении

*Памяти Клавы Назаровой,
комсомолки-партизанки,
Героя Советского Союза*

Земля исходила заревом,
горело жильё и жнивье,
и юная Клава Назарова
шагнула

в бессмертье своё.

Сердца

сжались болью

острою...

И вот

через тысячи дней

на площади,

в городе Острове,

мы вновь повстречались

с ней.

В глазах всё то же сияние,

распахнута даль

рывком!

Как будто, вернувшись с задания,

Клава

спешит

в райком

Вольною,

быстрою птицею —

снова среди друзей!..

И только не возвратиться ей

к старенькой маме своей.

Риза ХАЛИД

Рисунки
Е. Фёдорова
и К. Дмитрикова

Лицом к огню

*Памяти
ленинградской комсомолки
дочери Казахстана
Алии Могдагуловой*

Земля тряслась, как в лихорадке,
Мела жестокая пурга.
Но был приказ

предельно кратким —

Отбить деревню у врага!
А бой на редкость был неистов:
Хлестал свинец со всех сторон.
Редея под огнём фашистов,
Залёг среди поля батальон.
Свистели пули зло и тонко.
Чуть приподнимешься — убьёт.
Но встала вдруг в цепи девчонка:
«За мной, товарищи, вперёд!»
Над нею тотчас раскалённо
Прошла разящая струя.

А кто-то крикнул восхищённо:

«Да это ж наша Алия!»

И вновь в атаку встали роты

В порыве яростном своём,

И в рост пошли на пулемёты,

Не пригибаясь под огнём.

Под градом вражьего металла

Она упала в том бою...

И на века легендой стала,

Прославив Родину свою.

Пусть дни летят,

пусть годы мчатся,

Дела героя не умрут.

Дочь Казахстана

ленинградцы

Своею дочерью зовут!

Перевёл с татарского С. КАШИРИН

НОЧНОЙ САКСОФОНИСТ

Сергей Чирков обрадовался, когда после окончания консерватории его направили работать в Сибирь, на Байкало-Амурскую магистраль. Ему сказали, что на берегу Байкала строится посёлок Северобайкальский и там уже есть школа искусств. Это было как раз то, чего хотелось Сергею. Стеснительность помешала ему обзавестись друзьями, и теперь он большие надежды возлагал на Сибирь.

Он положил в портфель мыло, зубную щётку, пачку печенья «Новость», сел в самолёт и полетел на восток. Ещё с собой у него был саксофон. А пианино уже везли багажом по железной дороге, и когда он прибыл в новый порт на Байкале Таловку, оно было там.

— Давай! Давай! Давай! — почти без передышки весело кричал, стоя на барже, парень в зелёной форме студенческих отрядов. А другие, такие же, как он, парни, только обнажённые по пояс, бегом взлетали по трапу с ящиками, мешками, бухтами провода, деталями каких-то машин.

Иногда парень в зелёной форме гаркал: «Отставить!» и тогда ящик или мешок оставляли на берегу. До осенних штормов, до льда старались забросить через Байкал на БАМ самое необходимое. А то, без чего можно

было обойтись, беспощадно оставляли в порту. Куда уж тут соваться с пианино! Но всё же Сергей поборол стеснительность и подошёл к зелёному парню, намереваясь по-свойски сказать: «Слышь, друг! Мне тоже надо туда» — и кивнуть в сторону Байкала.

— Будьте любезны... если вас не затруднит... мне бы тоже... — как-то пролепетал вместо этого он. Многочисленные веснушки его слились, и лицо стало цвета красной меди.

— А? — гаркнул, ничего не поняв, зелёный парень. Тогда Сергей указал пальцем. Зелёный парень сошёл на берег и осмотрел забронированное досками пианино.

— Предмет первой необходимости? — спросил он задумчиво. И сам себе ответил: «А что? Не исключено! — Он хмыкнул, потом ещё раз хмыкнул, крикнул своим ребятам: «Грузить!» — и пианино затащили на баржу. А Сергей со своим саксофоном поднялся на палубу вслед за ним.

Свистнул и подвалил буксир, парни в темпе отдали швартовы, и не успел Сергей сообразить еще, что к чему, как увлекаемая буксиром баржа пошла. Порт с горами щитов и панелей для бамовских домов стал мельчать, навстречу поплыли белые фрегаты облаков, замшевую курточку пробил пахнущий снегом ветер, вода забулькала у бортов, море стало покачивать баржу. Сразу же закрипели штабеля ящиков, шевельнулся поставленный поперёк баржи грузовик, и Сергей с ужасом понял, что он на судне один. Он быстро бежал баржу, проверяя крепления. Но грузовик и ящики были как будто закреплены надёжно.

Немного успокоившись, Сергей залез в кабину автомобиля и полюбовался косо бегущими зеленоватыми валами. Захотелось есть. Сергей раскрыл портфель и обнаружил пачку печенья «Новость». И тут до него дошло, что это печенье и есть вся его еда. Зелёный парень, должно быть, счёл его опытным таежником, который запасается уж конечно не пачкой печенья. А он?! «Эх, ты, лапоты!» — обругал он себя. И сразу же беспокойно заняло сердце: зачем он, такой неприспособленный, нужен на БАМе?! Он же будет нелеп среди быстрых, общительных, мускулистых парней! Не в силах остановиться, он ел и ел потихоньку своё печенье, но от этого только еще более подтягивало желудок.

От голода чувства его обострились. В нос бил запах ржавчины, мокрого железа, свежий, рыбный запах воды. Волны шипели, как змеи, и закручивались белыми кудрями. Справа нависали над морем густо-синие зубья хребта. Закат подпалил волны, и они покатали алыми грядами. Потом внезапно нагрянула тьма и высыпали яркие звёзды. Звонче стал плеск о железный борт, тревожно шуршал буксирный трос на носу баржи, и под эти звуки Сергей заснул в кабине грузовика.

Проснулся он от голода и озноба. Было серо и тихо. Стёкла кабины изрыли бусинки влаги. Сергей открыл дверь и передёрнулся от сырости и погребного запаха тумана. Он набрал в кружку воды, доел печенье, и воспоминания о всяких вкусных вещах стали преследовать его ярко и неотвязно. Тогда он пристыдил себя и стал думать о шофёрах, которые зимой возили грузы по льду Байкала. Они прыгали на своих машинах через трещины, и весь тысячекилометровый ледовый путь держал их в таком напряжении, что они даже не вспоминали о еде.

Постепенно синие зубья Баргузинского хребта стали заваливаться за горизонт, буксир и баржа шли по морю, как по куполу голубого шара. Стало качать. Внезапный приступ тошноты — морская болезнь — начал душить Сергея. Он прилёг на сиденье в кабине. Но тут так страшно закрипели и затрещали ящики, что он пересилил себя и поднялся. Хватаясь за тросы, он обошёл весь груз, подбил расшатавшиеся клинья, поправил сползший презент.

К концу дня качка прекратилась, стал виден скалистый северный берег, чёрные овалы гор, каменные мысы, похожие на спины уснувших рыб. В этом месте железная дорога прижмётся к Байкалу, будет нырять в Мысовые туннели. Своими зоркими молодыми глазами Сергей видел копошащихся на мысах людей. Рёв трелёвочных тракторов докатывался до него. От костров, чудилось ему, долетают запахи лаврового листа, разогретой мясной тушонки...

А вечером буксир вдруг потянул баржу к камням, сам ткнулся носом в гальку, с него попрыгали парни, поставили трап и быстро снесли пианино на берег. Не успел Сергей и глазом моргнуть, как буксир отработал назад, сдёрнул баржу и потащил её дальше. «Ну, лапоть! — ахнул Сергей. — Чего ж я хлеба-то не попросил?!»

Он огляделся. С обрыва свисали, точно ремни, обнажённые корни берёз и сосен. Волны накатывались на берег и складывали свои чёрные горбы у его ног. Сергей понял, что придётся здесь ночевать, а уж завтра с утра искать посёлок, людей, помощь. Он набрал сушняка и развёл костёр. Тьма загустела, обступила его. Наверху, в ветвях сосен, кто-то повозился, повздыхал и успокоился. И Сергей так остро ощутил беспомощность и одиночество, что поразился своему нахальству: как он смел решиться сюда приехать?! Он вспомнил Москву, свою тихую комнатку и решил немедленно, завтра же уехать домой. Показать, где выгружено пианино, и бежать от позора!

Неподвижно посидев у костра, Сергей достал из футляра саксофон. Он любил этот инструмент за то, что во время импровизаций саксофон как бы обретал самостоятельность. Скажем, Сергей печален, а саксофон в его руках вдруг начинает веселиться. И, вслушавшись в себя, Сергей с удивлением обнаруживает, что саксофон прав, что печаль его — лёгкое облачко и уж летит оно прочь...

Сергей поднёс инструмент к губам — прерывистый, низкий, как рыдание, звук унёсся в море и пропал в темноте. Затем рыдающие звуки вдруг переломились, саксофон будто вскричал: «Да что ты!», мелодия заметалась в панике, саксофон огрызнулся и протрубил радостное ожидание. Сергей с удивлением вслушивался в его голос: саксофон твердил ему, что ничего ужасного нет, что, напротив, всё прекрасно: и тёплая непроглядная ночь, и невидимое море, и тот зверёк, что опять завозился наверху, в сосновых лапах...

В Северобайкальске мне с наибольшим вдохновением рассказывали о проходке туннеля, о героизме шофёров на ледовой трассе и о школе искусств, как дети обожают её, как рвутся по вечерам туда. Я походил по этому зданию, которое отдали ребятам в то время, когда не хватало даже жилья. Юные художники усердно пытели над картонами, из класса хореографии доносилось: «И-и-и раз, и-и-и два...», рыжий мальчишка разучивал гаммы на слегка поцарапанном пианино.

После занятий мы пошли с Сергеем Чирковым обедать. Он оказался широкоплечим, сдержанным парнем, с бронзовым ровным загаром и внимательными глазами таёжника. Усмехаясь, он поведал, что год назад прибыл сюда хилым, неумелым и пугливым парнишкой. Но мне это уже трудно было представить. Быстрыми ударами ножа Сергей рубил мороженого хариуса, и во всём его облике было столько силы и спокойствия, что я подумал: если такой человек рядом, не страшна и беда.

А ещё через несколько дней старый рыбак мне рассказывал о красотах и чудесах Байкала и вдруг понизил голос до шёпота:

— А однажды ночью, сам слышал, из моря запела труба... Вот видите! А вы говорите, не бывает чудес!..

ЗНАМЕНАТЕЛЕН 1978 год для армянского народа. Сто пятьдесят лет назад — в 1828 году — Армения вошла в состав России, и вот уже полтора века армянский народ идёт рука об руку с русским народом. Литература Армении тоже развивается в тесном содружестве с русской литературой, она составная часть многонациональной советской культуры.

Наш журнал неоднократно обращался к армянской литературе, печатал переводы замечательных армянских поэтов. Каждый год печатаем мы и рассказы об Армении, о её колоритных людях, о детях. Автор этих рассказов — Виктория Вартан. Сейчас она живёт в Ленинграде, но детство и юность её прошли в горном селении в Карабахе, она и теперь частый гость в Армении.

Теплота, добрые сердечные отношения друг к другу, умение прийти на помощь — вот основные мотивы её рассказов, их настроение. Собранные в одной книге, они вскоре выйдут в издательстве «Детская литература». «Свет твоим глазам» — так будет называться эта книга.

Сегодня мы печатаем рассказ Виктории Вартан из нового цикла «Родиться сильным и бесстрашным, как Давид Сасунци».

Виктория ВАРТАН

В ПЛЕНУ У ЛЮДЕЙ

Мальчик приподнялся на постели и, вытянув шею, умоляюще посмотрел на мать.

— Мам, расскажи про Сасунци Давида! Прошу тебя, расскажи про него!

Аревик подоткнула одеяло, села рядом на стул.

— Спи, Давид-джан, спи, уже поздно. Ты ведь не маленький, чтобы на ночь тебе рассказывать сказки. Слава богу, давно уже девять.

«Сама виновата», — подумала она, глядя на Давида усталыми глазами. С малых лет мальчик привык слушать её рассказы о подвигах легендарного богатыря Давида Сасунского. Иной раз, когда подводит память, приходится даже придумывать про него всякие истории. Что ж тут удивительного, что каждый вечер мальчик упрашивает рассказать про своего любимого героя?

— Ну, мама-джан, — прервал Давид размышления матери, — прошу тебя, ещё про один подвиг расскажи, и всё! Ну, пожалуйста, жалко, что ли, тебе? — Он уже ви-

дел по глазам, что она почти согласилась.

Аревик взяла со стола начатый носок. Спицы так и замелькали в руках.

— Постой, а я тебе рассказывала, как Сасунци Давид освободил всех лесных зверей? — вдруг оживилась Аревик, подняв глаза от вязания.

— Каких зверей? Нет, мам, не рассказывала.

— Тогда слушай. Отец Давида, которого народ прозвал Львораздиратель Мгер, был очень хорошим охотником и больше всего на свете любил охотиться на горе Цовасар. Когда же он умер, то после его смерти пришёл туда зловредный Мсра-Мелик и объявил сасунцам: «На этой горе охотиться буду только я!» Сасунцы, которым хорошо был известен злодейский нрав Мсра-Мелика, и близко не пытались подойти к горе. Давид, конечно, ни о какой горе и знать не знал, потому что его дядя, по кличке Горлан Оган, не только сам скрыл всё от мальчи-

ка-богатыря, но и другим запретил об этом рассказывать. До поры до времени, конечно...

— Почему?

— Он боялся, что Давид может отправиться на гору Цовасар и там встретить Мсра-Мелика.

— Ну и что? Он ведь сильнее Мсра-Мелика, чего ему бояться его?

— Сильнее-то он сильнее, но дядя Оган опасался, что Мсра-Мелик хитростью и коварством может погубить молодого богатыря. И правда, Давид по молодости лет был тогда очень доверчив и неопытен.

Но однажды какая-то старуха всё же проговорила молодому богатырю о горе Цовасар. Давид тут же прибежал к своему дяде и стал просить: «Покажи мне дорогу к горе Цовасар, где любил охотиться мой отец Львовраздиратель Мгер, и я поеду туда». «Не ходи, — ответил ему дядя Оган, — тебя может убить Мсра-Мелик». «Так он же убьёт меня, а не тебя! Если не укажешь дорогу к Цзасару, клянусь хлебом и вином, тебе сверну я шею!» — закричал Давид в гневе.

— Я же сказал, что Давид никого и ничего не боялся! — Мальчик рывком сел на постели. Глаза его горели. — И что ему бояться? Он ведь сильнее всех на свете!

— Сынок, не прерывай меня. Дай мне закончить. Ещё посуду надо мыть... А я сегодня так устала на птицеферме. Ложись, ложись и слушай дальше. «Хорошо, хорошо, — сказал ему дядя Оган, — я тебя сейчас сведу на гору Цовасар. Только не сердись!»

— Возьмите и нас с собой! — попросили тут сасунские молодцы. — Там, наверное, тьма-тьмущая волков, медведей, косуль, диких баранов!

И вот дядя Оган вывел свою лошадь, оседлал её. А Давид взял отцовский лук, стрелы и тоже сел на своего коня и двинулся за дядей. Следом за ними помчались сасунцы на своих скакунах. Когда они подъехали к горе Цовасар, то

увидели, что она обнесена высокой стеной. «Дядя, что это за стена?» — спросил Давид. «Её воздвиг твой отец, чтобы звери не убегали». Тогда Давид вырвал огромный дуб с корнями, ударил в стену.

— Вырвал дуб с корнями?! — Мальчик даже рот от удивления открыл.

— Как это можно вырвать дуб?

— Ты забываешь, сынок, что Сасунци Давид был не простым человеком, а богатырём... — Аревик наклонилась и подняла с пола упавшее вязание. — И обвалился огромный кусок стены, и глазам сасунцев открылся густой тенистый лес, прозрачные горные родники и озёра, вокруг которых разгуливали тесными стадами медведи, лисицы, олени, дикие бараны и разные другие звери.

Обрадовались сасунские молодцы, схватились за свои луки и хотели убить дикого барана, но Давид закричал громовым голосом: «Эй вы! Не смейте трогать зверей! Мой отец заточил в темницу сво-

бодных зверей — это его вина!» — «Но, Давид, — взмолился дядя Оган, — мы же проголодались. Убей хоть одного барана, и мы его зажарим». — «Нет, не стану я убивать пленных, — твёрдо сказал Давид. — Эти звери в плену, а разве можно убивать пленных? Пленного зверя и старуха убить может. Мужчина должен охотиться на свободного зверя».

После этого Давид пошёл крушить ножищами и кулачищами стену вокруг горы Цовасар, пока она не превратилась в груды развалин. «Гей вы, пленные звери! — загремел он во весь свой богатырский голос. — А ну, выходите отсюда побыстрее, да живите отныне на воле!» Потом он обежал всю гору, обшарил каждый куст и скалу: а вдруг где зверёк остался? Жалко ведь его! «Ну, а теперь, — обратился он к сасунцам, — кто из вас поудалей, может поохотиться, только по-честному, как и поло-

жено мужчине». Вот какой был Сасунци Давид, — улыбнулась Аревик сыну.

Но взгляд мальчика был устремлён не на мать, а поверх ее головы, куда-то вдаль, где ему виделась сказочная гора Цовасар и освобождённые Давидом звери...

— А дальше? — очнулся он наконец.

— Всё. На этом и кончается сказ. А теперь спокойной ночи, сынок.

Как-то в конце ноября Левон — отец маленького Давида — отправился в горы на охоту. Добравшись до подножия горной гряды, он привязал лошадь у родника, а сам с ружьём в руке стал бродить по склонам высоких гор, поросших густым кустарником и лиственницей, высматривая под деревьями свежие следы горных коз или диких баранов. Однако то ли их стало мало, то ли спасаясь от людей, дикие козы выбирают теперь дикие, неприступные участки гор, где они могут спокойно щипать траву в безопасности, только не всякому охотнику нынче удаётся напасть на след этих животных.

Часа два безуспешно побродив с ружьём наготове, Левон решил подняться в горы повыше. Вдруг, случайно поднял голову и — о, удача! — заметил в безоблачном небе гордый силуэт хозяина гор, обозревавшего свои владения. Голову его украшали крутые завитки рогов.

«Ну и красавец!» — успел подумать Левон, прежде чем спустил курок. Козёл дёрнулся всем телом, подпрыгнул высоко в воздухе и в следующую минуту рухнул вниз. Левон побежал к подножию скалы. Там он увидел козла, который лежал на боку. Из его правого бедра хлестала кровь. Когда Левон перезазывал ногу повыше раны, чтобы остановить кровь, козёл дёрнулся разок, но затем бесильно уронил голову на землю и затих.

Левон положил добычу поперёк седла и к вечеру вернулся в посёлок.

— Мама, отец убил горного козла, смотри! — вскричал Давид, когда Левон въехал во двор.

— Нет, не убил, а только ранил. Помогите-ка спустить его на землю.

— Вай, как хорошо, что ты его привёз живым! — сказала Аревик, когда опустили козла на землю.

— А почему, мам? Ты его собираешься приручить?

— Ну что ты, Давид! — рассмеялась мать. — Подлечим ему ногу, откормим, а к Новому году заколем. Мясо у него вкусное — отменный будет шашлык.

— Я тоже об этом подумал, Аревик, — сказал Левон.

Аревик с Давидом отмыли рану на ноге козла, перевязали.

— Давид, заботы о козле будут на тебе, — сказала мать.

Давид с готовностью согласился. И с этого дня всё своё свободное время посвящал раненому животному. Мальчик называл его Саро (горец), приносил ему душистое сено и воду, и пока козёл лакомился, поглаживал его бока, приговаривая: «Ешь, Саро, ешь, сколько хочешь».

Саро уже узнавал мальчика, не шарахался в сторону, как в первые дни, и даже подпускал к себе Санасара, собаку Давида. К счастью, пуля не задела кость, и рана быстро зажила. Козёл уже мог стоять на раненой ноге. И всё бы ничего, если бы не глубокая тоска, которую Давид часто замечал в глазах своего подопечного.

— Смотри, как нагулял бока, — сказал однажды Левон, заглянув в сарай, когда Давид кормил козла. — Молодец, сынок, хорошо его откормил. Ты получишь самый лакомый кусочек.

— Кусочек? — изумлённо спросил мальчик. Он совсем, совсем забыл, что козла скоро заколют.

Наступил наконец и канун Нового года. Отец Давида тщательно наточил с вечера большой охотни-

чий нож, а мать приготовила глиняную посуду.

— Завтра заколем козла, — сказал отец за ужином. Давид молча уткнулся в свою тарелку. — Завтра полакомимся шашлыком.

На другой день Левон вернулся с работы домой пораньше и сразу направился в сарай.

— Аревик, выйди-ка во двор! — выскочил он назад с растерянным лицом.

— Вай! Что, пожар, что ли? Что ты так кричишь?

— Козёл исчез!

— Как исчез? Вечером Давид носил ему в сарай воду попить.

— А теперь его там нет! — Левон растерянно уставился на жену. — Украли его ночью!

Муж и жена молча смотрели друг на друга, не зная, что и думать.

— Как же могли его украсть, когда Давид всегда закрывал его на ночь? — И вдруг её словно пронзила догадка: — Давид! Где он?

— Как где? В школе, конечно.

Аревик бросилась в дом, но через минуту вышла обратно.

— Сумка его дома... Значит, сегодня не ходил в школу, — медленно проговорила она в раздумье. — Я, кажется, догадываюсь, где он сейчас...

— Послушай, что ты сама с собой разговариваешь? О чём ты догадываешься? — Левон смотрел на жену.

— Я догадываюсь, что Давид выпустил козла на волю.

— Что?! Не может этого быть! Не сделает он такой глупости!

Не успел он эти слова произнести, как Давид вбежал во двор.

— Давид, куда ты дел козла? — Левон поднял с земли прут и медленно двинулся на сына. Тот стал испуганно пятиться назад, пока не спрятался за спину матери.

— Я... я отвёл его к подножию Лысых гор и отпустил там. Отпустил его на свободу. Нет, правда, папа, пленных зверей не убивают. Их и старуха убить может. Вот,

спроси маму,— сбивчиво говорил он,— выглядывая из-за спины Аревик.— Правда, мама?

— Я тебе сейчас покажу, негодник! Гляди-ка, яйца курицу учат! А ну, Аревик, отойди в сторону! Сейчас он у меня получит за своеволие!

— Не отойду,— неожиданно сказала Аревик.— Не отойду. Видали, какой смелый нашёлся! Напустился на маленького, тягаться с ним задумал А вот ежели ты настоящий мужчина, возьми и от-

правься сейчас в горы, да попробуй снова поохотиться за козлом, теперь, когда он на свободе и здоров. Пленного зверя и старуха убить может!

— Что?! Нет, честное слово! — воскликнул Левон, когда способность говорить снова вернулась к нему.— Честное слово, вы оба спятили с ума!

Но Аревик, обняв сына за плечи, уже вела его в дом.

Рис. Е. Галеркиной

ЛОШАДЬ

*Через парк вели лошадь,
очень красивую лошадь,
гнедую, тонконогую,
очень красивую лошадь.
Под паутиной веток
вновь раздавался топот,
старозабывтый топот
звонких точеных копыт.
Улыбались деревья,
жмурясь на талом солнце,
вспоминая, как чётко
пыль вбивали копыта
в мостовую из камня
в давние времена.
Люди проходят мимо,
ничего не подозревая
о тайных мыслях деревьев,
удивлённо косясь на лошадь,
на очень красивую лошадь,
на гнедую,
на тонконогую,
на очень красивую лошадь.*

Марина КРАСИЛЬНИКОВА,
4-6 класс, 17-я школа

Рис. Л. Московского

Бой за деревню Разбегай

КАРТИНА ИЗ МУЗЕЯ

Учительница Разбегаевской восьмилетней школы Людмила Алексеевна Винокурова приехала в Ленинград навестить своего сына, курсанта Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе. Пришли они в музей, и здесь, на одной из стен, Людмила Алексеевна увидела картину, изображавшую бегущих в атаку моряков. Картина называлась «Бой за деревню Разбегай».

— Так это же у нас! — удивилась Людмила Алексеевна. — Вон и речка наша Стрелка, и мост!.. — Простите, — спросила она стоящего неподалёку экскурсовода, — этот Разбегай, изображённый на картине, случайно не тот, что находится здесь, неподалёку от Ленинграда, близ Стрельны?

— Тот самый, — последовал ответ.

Вернувшись домой, Людмила Алексеевна рассказала о картине своему классу. И в следующее воскресенье весь 6-а поехал с нею в Ленинград.

Всю эту неделю сын Людмилы Алексеевны времени зря не терял. И теперь он рассказывал ребятам:

— Здесь изображён исторический факт — момент боя курсантов

училища имени Фрунзе осенью тысяча девятьсот девятнадцатого года за нашу с вами деревню Разбегай. Картина написана известным художником-баталистом академиком Авиловым в тридцать шестом году по заказу нашего училища.

— А разве в девятнадцатом году училище имени Фрунзе было? — спросил кто-то из ребят.

— Было... Наше училище — старейшее в стране морское учебное заведение. Оно было открыто ещё при Петре Первом в тысяча семьсот первом году, в Москве, а после основания Петербурга переведено сюда, в это здание. Конечно, в тысяча девятьсот девятнадцатом году оно называлось по-другому.

ПЛАН ПАШИ СИНИЦКОГО

На следующий день в школе только и разговору было, что о картине. Паша Синицкий весь день ходил задумчивый. А когда кончились уроки и они с Андреем Павлюченко возвращались домой, в соседнее село Горбунки, сказал:

— Хорошо бы разузнать про тот бой...

Хорошо-то хорошо. Андрей понимал это не хуже Паши. Но как? Наутро по пути в школу Паша забежал за Андреем.

— Гляди, что я придумал! — возбуждённо заговорил он, едва они вышли на улицу. И вынул из кармана сложенный вчетверо тетрадный лист.

— Что это? — не понял Андрей, разглядывая какие-то квадратики и прямоугольники, нарисованные карандашом.

— Эх ты! — с укоризной сказал Паша, — не понимаешь? План это! План нашей деревни. Понял?.. А эти квадраты и прямоугольники — дома. Вот мы с тобой обойдём все дома и узнаем, какие люди

в них живут. Разыщем стариков, которые помнят тот бой...

Идея была что надо. Ну и голова этот Пашка!

ПЕШКОМ В ПРОШЛОЕ

Наскоро сделав уроки, друзья принялись за осуществление своего плана. На первых порах они решили действовать самостоятельно, до поры до времени сохраняя всё в тайне. Но одного ребята не учли: их хождения по квартирам скоро стали заметны всему посёлку. Не прошло и двух дней, как по посёлку пошли слухи: Пашка Синицкий с Андрюшкой Павлюченко ищут каких-то стариков. И когда наши герои, ничего не зная об этих слухах, позвонили в очередную квартиру, им открыла... Эльмира Яковлевна, учительница истории.

На следующий день на уроке истории Эльмира Яковлевна сказала:

— Все вы видели картину художника Авилова «Бой за деревню Разбегай»... Так вот. У двоих наших мальчиков родилась замечательная идея — установить, что послужило сюжетом для написания этой картины...

В классе поднялся шум.

— Это Синицкий с Павлюченко! — выкрикнул кто-то с задней парты.

— Тише, ребята! Вы мне скажите, идея вам нравится?

— Нравится!.. Нравится!..

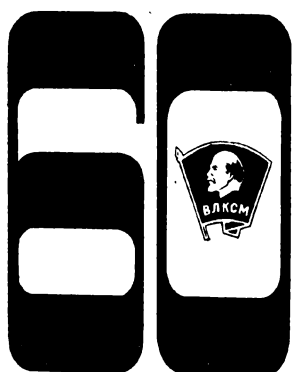
— Но должна вам сказать, что работа эта непростая и двум чело-векам её не осилить. Нужно создать поисковую группу.

— Правильно! Все будем искать!

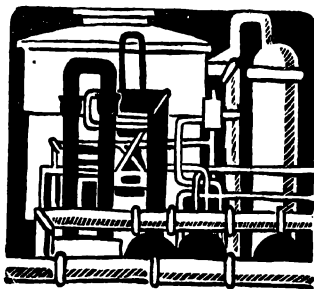
— Вот и отлично, — улыбнулась Эльмира Яковлевна. — Теперь нам остаётся только избрать командира и штаб поиска.

— Пашку командиром!

— Пусть будет Синицкий!

1918-1978

Говорит Галина ЖУРАВЛЁВА, оператор Киришского ордена Трудового Красного Знамени нефтеперерабатывающего завода имени 50-летия ВЛКСМ, депутат Верховного Совета РСФСР

— Наверное, я очень счастливый человек. Живу в совсем юном городе. Мои Кириши — город в пионерском галстуке. Его строили молодые люди со всех концов нашей страны. Суровой зимой пришли сюда строители. Было на месте сегодняшнего города не больше десятка изб. Да ещё обвалившиеся траншеи и блиндажи, развалины домов, поросшие травой. И город начинался с нефтеперерабатывающего завода. За свой отличный труд он награждён орденом Трудового Красного Знамени, ему присвоено гордое имя 50-летия ВЛКСМ. На эмблеме Киришей — факел. Он горит сильно и ярко.

Вот сюда на завод я и пришла работать.

Я росла вместе с Киришами. Училась в самой первой школе. Затем поступила в техническое училище, наш выпуск — операторов нефтеперерабатывающего завода — был первым. Вскоре закончила химико-технологический техникум.

У нас в городе молодым открыты все пути, им доверяют во всём. Много у нас молодых депутатов городского Совета народных депутатов. Была и я городским депутатом. А более трёх лет назад выбрали киришане меня депутатом Верховного Совета РСФСР.

Очень я волновалась: что могу сказать, чем могу помочь людям! За эти годы пришли ко мне более двухсот избирателей. В депутатском журнале просьбы записаны самые разные: разъяснить насчёт начисления пенсии, помочь малыша устроить в ясли, подыскать работу по специальности. Вопросы и по работе и очень личные. Иногда приходят просто посоветоваться. Со всем молодые люди и пожилые, я им во внуки го-жусь. Звонят и пишут в горсовет, на завод, домой.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В поисковую группу записался весь 6-а. Избрали штаб поиска. Командиром назначили Павлика Синицкого. В тот же вечер Паша составил список, разбил весь класс на восемь поисковых звеньев. Во главе каждого звена был поставлен звеньевой. Восемь звеньев — по четыре человека в каждом — должны были обойти восемь окрестных сёл и деревень.

Сначала всё шло хорошо. Ребята ходили по домам, записывали в тетради фамилии, имена, отчества

и возраст всех взрослых жителей. А потом произошла заминка. Ударил морозы. Схватило льдом пруды и водоёмы, и многие мальчишки, забыв о поиске, всё свободное время гонялись на коньках. Пришлось Паше употребить всю командирскую власть... К концу второй четверти все восемь звеньев сдали свои тетради. Все сведения были собраны в один альбом, который назвали «Я — гражданин СССР». Альбом получился любопытный. Настоящий справочник. Заглянешь в него — и сразу ясно, где человек родился, что делал в годы войны, после революции... Из альбома было ясно и то, с кем стоит говорить о бое за деревню Разбегай, а с кем не нужно.

Очевидцев боя оказалось немного. Но и среди этих немногих большого единодушия не было. Даже

Вот собираются в Москве депутаты Верховного Совета РСФСР на свою сессию. Здесь заседают профессор и рабочий, директор совхоза и доярка и решают вопросы государственной важности на равных. И одинаково мнение москвича и жителя маленькой далёкой деревеньки.

Вот, например, я вхожу в комиссию по вопросам труда и быта женщины, охране материнства и детства. В прошлом году участвовала в подготовке плана развития народного хозяйства на нынешний год. Меня попросили изучить и подобрать материалы о том, какие детские товары поступят в торговлю, и своё мнение попросили высказать. Слушали меня представители министерств лёгкой, текстильной и пищевой промышленности. Страшновато было говорить. Но я набралась храбрости и начала рассказывать о своём городе. Мы для ребятшек делаем всё самое лучшее. Детские сады строим с бассейнами, а школы с парниками. А Дворец пионеров у нас растёт такой, что большие города позавидуют. Первую свою улицу мы назвали Пионерской.

От имени своих маленьких земляков я попросила, чтобы больше нарядных костюмчиков и платьиц появлялось в наших магазинах. Мы открываем детское кафе — нужна удобная и красивая мебель. Обо всём этом я рассказала ответственным товарищам из министерств и ведомств. Слушали очень внимательно. Записывали. Так моё слово и вошло в планы нашей республики. Этой весной я ездила в Москву, и мы на сессии Верховного Совета РСФСР принимали Основной Закон нашей Республики. А я всё время помнила о своём городе. Ведь голосовала я от имени всех его горожан.

Записала Т. ЗАЗОРИНА

время разное называли. Одни говорили — бой осенью был. Другие — весной...

ПИСЬМО КРАСНОГО КУРСАНТА

— Надо снова съездить в музей училища, — предложил Павлик Синицкий.

Пашу поддержала Эльмира Яковлевна.

— Я думаю, что неплохо побывать и во Дворце пионеров. Может, там есть адреса школ, которые занимаются историей гражданской войны.

На зимних каникулах, разбившись на две группы, следопыты поехали в Ленинград. Во Дворце

пионеров узнали номер школы, где есть интересующая их поисковая группа. В музее училища установили адреса бывших курсантов — участников гражданской войны. По всем адресам разослали письма... Первым ответил капитан II ранга в отставке Алексей Иванович Азаров. Он писал:

«Сразу после революции многие командные посты на флоте занимали так называемые военспецы — бывшие царские офицеры. Поэтому в сентябре 1918 года были созданы курсы для подготовки командного состава флота из представителей рабочего класса и крестьянства, а также из солдатской и матросской массы. На эти курсы был зачислен и я. Осенью начались занятия, но спокойно закончить учебный год нам не удалось. То там, то здесь поднимала голову контрреволюция, а весной воору-

жённые отряды белогвардейцев пошли в наступление на Петроград.

В ночь с 17 на 18 мая 1919 года нас подняли по тревоге и отправили в Ораниенбаум. Отсюда по приказу командующего 7-й армией наш отряд срочно выступил на форт Красная Горка. Обстановка складывалась тревожная. Белые предприняли попытку захватить Калищенский стекольный завод. Но орудия Красной Горки и Серой Лошадой отбили у них эту охоту...

Через три дня — 21 мая началось новое наступление. Теперь белякам удалось захватить деревни Керново, Долгово, Калище. Красная Армия в то время только создавалась и пополнялась за счёт крестьянской массы, зачастую отличавшейся не очень высоким сознанием. Курсанты же прошли школу длительной службы на флоте. А революционный дух флота всем хорошо известен. Поэтому курсантов бросали на самые тяжёлые участки фронта. Беляки называли нас «отрядом комиссаров».

ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ

Теперь ребята знали: бои происходили весной. Алексей Иванович даже назвал точную дату — 18—21 мая 1919 года. Но почему он ни словом не обмолвился о бое за деревню Разбегай? «Надо к нему съездить», — решили ребята.

— Только давайте сначала в книжки заглянем, — сказал Паша Синицкий, — чтобы точно знать, о чём спрашивать.

Из книг ребята узнали, где находятся населённые пункты, названные в письме А. И. Азарова: Керново, Долгово, Калище. Побывали там. На месте деревни Калище вырос прекрасный город Сосновый Бор. А в том месте, где была дерев-

ня Долгово, стоит самая крупная в нашей стране Ленинградская атомная электростанция имени В. И. Ленина.

— Видите, — пошутила Эмира Яковлевна, — изучая историю, будете лучше разбираться в географии.

В один из морозных дней разбегаевские следопыты поехали в Ленинград. Нашли нужный дом. Поднялись на третий этаж. Позвонили. Открыла им старенькая седая женщина — жена Алексея Ивановича — Сигрид Ивановна. Сам Алексей Иванович в это время лежал в госпитале. Сигрид Ивановна очень обрадовалась ребятам. Усадила за стол, напоила горячим душистым чаем, долго расспрашивала. Достала из шкафа альбом с фотографиями. Тут было что посмотреть...

— Этот снимок сделан в тринадцатом году в Кронштадтской школе юнг... А здесь Алексей Иванович — старшина минной команды. Таким он был в семнадцатом году, когда вместе со своим товарищем Скуевым поднял красный флаг на линейном корабле «Петропавловск» в Свеаборгской крепости...

Ребята переглянулись: вот так находка!

— А это... — Сигрид Ивановна с особой осторожностью взяла в руки фотографию, — отряд красных курсантов, воевавших против Юденича в том самом девятнадцатом году... Вот внизу, слева, — Алексей Иванович.

Много интересного узнали в тот день ребята. Но о самом походе курсантов Сигрид Ивановна ничего рассказать не могла.

ИДЕЯ ТАНИ РАЙКЕРУС

Однажды Таня Райкерус сказала Паше:

— Я думаю, что где-то должны быть документы об этом бое, военные донесения, карты...

Паша с интересом посмотрел на Таню. Обычно слова от неё не до-бьёшься. А уж если скажет, так скажет... Конечно, такие документы должны где-то храниться!

— Наверное в каком-нибудь архиве...— высказал предположение Андрей.

Адрес Центрального исторического архива подсказала ребятам Эльмира Яковлевна. Послали туда письмо. Пришёл ответ: «Интересующие вас документы хранятся в Центральном Государственном архиве Военно-Морского Флота СССР». Никто из ребят с архивами дела не имел, поэтому был собран штаб, чтобы обсудить, как и что писать. Решение было единодушным: надо точно указать, документы какого времени интересуют, ссылаться на даты, упомянутые в письме А. И. Азарова,—18—21 мая 1919 года...

ГОВОРЯТ ДОКУМЕНТЫ

«Сообщаем, что 18.05.1919 года из Петрограда в распоряжение 7-й армии был направлен сводный отряд курсантов курсов командирского состава флота и учеников школы подводного плавания. Состав: 240 курсантов и 60 учеников школы подводного плавания. Командир отряда—комиссар курсов Алексей Авраамович Костин. Его помощник комиссар учебного отряда Броневицкий Пётр Семёнович».

«18 мая между 15 и 16 часами противник направился по двум дорогам в Новое и Старое Калище... Рота из Копорья отправила взвод в Керново, чтобы отрезать противника. Отряд белых в районе Калище окружён. Есть пленные. В 23 часа 30 минут восстановлена и закреплена линия Керново—Копорье. Керново очищено от противника.

В этом районе действовали следующие части: Кронштадтский крепостной артиллерийский дивизион, 1-й Кронштадтский морской пехотный полк, отправленные 18 мая курсанты курсов командного состава флота и ученики подводного плавания».

Но опять ни слова о бое за деревню Разбегай!..

ВСТРЕЧА С Г. А. ТИШУРОВЫМ

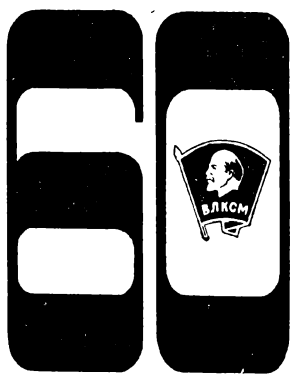

В весенние каникулы разбегаевские школьники получили приглашение на слёт следопытов, занимающихся историей гражданской войны. Там их ожидал сюрприз. Один из выступавших рассказывал:

— Весной 1919 года нас, военноморских курсантов, пригласили в Народный дом. Теперь это кинотеатр «Великан». Нам сказали: «С вами хочет поговорить Ленин». Только мы расселись по местам, видим—входит Владимир Ильич... Мы захлопали в ладоши, а он поднял руку, улыбнулся, подождал, пока мы успокоимся, и начал говорить. Как он говорил!.. Не выступал с речью, нет. Просто беседовал с нами, как отец со взрослыми сыновьями. Рассказал, как обстоят дела у республики. Сказал, что отрезаны Сибирь, Донбасс, Украина. В стране нет хлеба, угля. Кругом разруха... Но он объяснил нам, что надо делать, чтобы социализм победил... Какую уверенность он в нас вселил! Как воодушевил!.. Поэтому, когда месяца через два-три нас бросили против банд Булак-Балаховича и Родзянко под Копорье, мы дрались, как львы...

О большей удаче следопыты не могли и мечтать. Подумать только: встретить человека, который видел и слушал Ленина! И этот человек—бывший красный курсант!

Это был Георгий Андреевич Тишуров. Ребята рассказали ему о

1918*1978

Говорит Юрий БАБАНСКИЙ, Герой Советского Союза, майор пограничных войск, член ЦК ВЛКСМ

— Сигнал с границы дежурный по заставе сержант Сомов принял в 22.50. В это время свободные от нарядов пограничники уже спали. Команда «Застава, в ружьё!» мгновенно катапультировала всех из-под тёплых одеял. Следующий бросок — к пирамиде с оружием, и тотчас — построение...

Стоял конец мая. Земля просохла, стала легкопроходимой. А молодая зелень лежала глубокими тенями в отсвете белой ночи. В неё и ринулась тревожная группа с задачей перекрыть границу.

Едва выдвинулись на заданный рубеж, как оказались на сопке. И тут Октан, до сих пор чётко исполнявший команды, вдруг ещё ниже пригнулся к земле, потянул чуть вправо. Отпущенный на полную младшим сержантом Сергеем Атяншевым поводок натянулся. Ни на шаг не отставал от Атяншева Виктор Барышев. Местность он изучил досконально и мог пройти с завязанными глазами, ориентировался в любое время суток. И поэтому бросок по сопке через лес длился всего две-три минуты. Вдруг впереди за мохнатой ёлкой метнулась тень. Но появление пограничников было столь стремительно, что нарушитель даже не успел дать отпор.

Конечно, такое на нашей северо-западной границе случается не каждый день. Но в этом эпизоде отразился не всегда приметный в череде дней, но ощущаемый пограничниками каждую минуту тревожный и беспокойный пульс границы. Бдительность, находчивость, наблюдательность, инициатива — вот главные качества, без которых нельзя стать настоящим пограничником.

За десять лет службы на границе мне не раз приходилось наблюдать становление характеров молодых воинов. Но особенно ярко раскрываются лучшие черты нашей молодёжи в минуту испытаний, когда возникает критическая ситуация.

На дальневосточной границе вместе со мной служил солдат Толя Денисенко. Он был тихий и незаметный, любил животных, ухаживал за нашими заставскими ко-

своём поиске, о картине, которую видели в музее Высшего военноморского училища имени Фрунзе, о письме Азарова...

— Азарова в осеннем походе не было! — убеждённо сказал Георгий Андреевич.

— Как не было?! И почему в осеннем? — удивились ребята. — Разве бой за деревню Разбегай был не весной?.. Мы получили документы из архива. В них говорится, что курсантский поход был 18—21 мая.

— Правильно, — согласился Георгий Андреевич, — первый поход был весной. В нём Азаров принимал участие. А за деревню Разбегай мы сражались осенью, в октябре... Тогда его не было.

Вот в чём дело!.. Теперь понятно, почему Алексей Иванович Азаров

ничего не писал об этом бое и почему в архивных документах не было сказано о нём.

ПОИСК ВЕДУТ ВЕТЕРАНЫ

Ребята быстро сдружились с Георгием Андреевичем. Он несколько раз приезжал к ним в школу. Водил ребят по местам бывших боёв. Рассказывал, показывал. Снабдил следопытов адресами ветеранов, а сам по их просьбе несколько дней провёл в Военно-морском архиве в поисках документов.

ровами и даже доил их. Ничего не попишешь: солдат всё должен уметь делать. Так вот, этот Толя Денисенко в марте 1969 года грудью заслонил от пуль нарушителей нашего командира заставы старшего лейтенанта Стрельникова. Оба они погибли. Толя оказался настоящим героем.

...В жизни каждого молодого человека наступает минута, когда он как бы поднимается на высшую ступень своего гражданского долга. Долга воинского. Но готовиться к этому нужно заранее.

Очень мне помог спорт. В ПТУ я стал разрядником по лыжам и стрельбе. Сужу по себе: чем подготовленнее молодой человек к нелёгким испытаниям воинской службы, тем быстрее он занимает своё место в строю. Особенно на границе, где нельзя себе дать поблажки, расслабиться, где требуется постоянное духовное и физическое напряжение.

Только в прошлом году более 50 воинов нашего Краснознамённого Северо-Западного округа были награждены медалью «За отличие в охране государственной границы СССР», а более трёх тысяч удостоены знака «Отличник погранвойск».

«Во время своей поездки на Восток я познакомился и с тем, как поставлена охрана наших границ, и с теми, кто несёт там свою нелёгкую службу, — со славными воинами нашей армии, нашего военно-морского флота, наших пограничных войск. Скажу одно — границы Родины прикрыты от любых неожиданностей, дело её защиты находится в опытных, верных руках», — говорил, выступая на XVIII съезде ВЛКСМ, товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Такая высокая оценка нашей службы ко многому обязывает воинов в зелёных фуражках. Их сегодня тысячи в дозоре, молодых парней, которым доверена страна, её покой.

Записал Ю. КОВЕШНИКОВ

Летом часть ребят уехала на каникулы, но штаб поиска продолжал работать. Паша Синицкий со своим верным другом Андреем Павлюченко ездил в Ленинград. Побывали у ветеранов. В штабе появилась картотека с записями их воспоминаний и новые документы...

А в сентябре Георгий Андреевич привёз в Разбегай своих боевых товарищей А. И. Попова-Лукина, А. Д. Козлова, А. И. Азарова. Снова ходили по местам бывших боёв. Рассказы ветеранов помогли ребятам воочию представить бой, изображённый на картине, что хранится в музее училища имени Фрунзе... Оживить её.

БОЙ ЗА ДЕРЕВНЮ РАЗБЕГАЙ

Всё лето белый генерал Юденич готовился в поход на Петроград. С помощью американских, английских, французских империалистов ему удалось собрать армию в 28 тысяч штыков и 2 тысячи сабель. Осенью эта армия выступила из Эстонии. Красная Армия с боями отходила. Белые заняли Детское Село (ныне город Пушкин), Пулковские высоты.

Балтийский флот отправил на фронт 11 тысяч моряков. В их числе были и курсанты курсов командного состава флота.

— На Балтийском вокзале, — вспоминали ветераны, — мы быстро погрузились в товарные вагоны и вскоре прибыли на станцию Сергиевская Пустынь (теперь Володарская).

Прозвучала команда: «Разгружаться!», и мы выступили в сторону фронта, по направлению к Ропше. Разобраться в обстановке было трудно. Линии фронта не было. Карт и схем мы тоже не имели. Кругом горели деревни. А тут ещё наскочили на кавалерийский разъезд белых. Завязалась перестрелка. В сумятице боя часть нашего отряда ушла в сторону Ропши. А обоз и пулемётная команда повернули на Разбегай... Когда подошли к деревне, уже смеркалось. Остановились у моста. Вот здесь, вдоль речки, шли окопы, оставшиеся с империалистической войны. Мы заняли их. Выставили караул. Деревня была занята белыми. Под утро комиссар Костин собрал курсантов-большевиков. Решено было атаковать. Изготовились. Архип Шипуля со своим «максимом» на левом фланге. Пулемётчики Грен и Вербовик — на правом.

Гриша Мидин поднял цепь. И мы пошли. Настоящая чёрная лавина. Бегом. Вниз. «Ур-ра!» Через ледяную воду. Наверх. Ударили наши пулемёты. Белые повели ответный огонь. Упал Архип Шипуля. Тогда Грен и Вербовик под прикрытием Ивана Снитко рванулись на вражеский берег, вскарабкались наверх, выкатили «максим» и резанули вдоль улицы. Снитко тем временем подавил пулемётное гнездо белых.

Бой кипел уже на улице деревни. Пуля ударила в переносицу курсанта Дмитриева... Упал замертво Карл Иогансон. Но исход схватки был решён. Белые начали отходить... Подобрав раненых и убитых, курсанты двинулись в сторону Ропши, преследуя белых. У деревни

Насталово белые встретили ураганным артиллерийским огнём. Пришлось отойти и занять позиции вдоль дороги Разбегай — Ропша. Тут произошла стычка с вражеским броневиком. В перестрелке погиб курсант Лаува. Георгий Андреевич Тишуров был тяжело ранен...

Ребят интересовало, как закончился осенний поход. Ведь у них в музее хранилась копия ещё одного документа, полученная из архива. Содержание его вызывало тревогу: «Командарму 7. В летучем отряде морских курсантов из 400 человек в течение операции убито 12 человек, пропавших без вести — 20, ранено — 108, больных — 120. Реввоенсовбалт просит вернуть отряд, чтобы сохранить этот единственный источник комсостава морских сил республики. Комбриг Стороженко, в распоряжении которого находится отряд, считает возможным возвратить его в Петроград без всякого ущерба для вверенного ему участка. 3 ноября 1919 года.»

Ветераны успокоили ребят.

— Всыпали мы хорошенько белым. Вышибли их из Разбегая. Только один день и погрелись они в вашей деревне. А училище за боевые заслуги в борьбе против банд Юденича было награждено Красным знаменем Петросовета. Многие курсанты получили именные часы.

ПАМЯТНИК КРАСНЫМ КУРСАНТАМ

Теперь трудно вспомнить, кто первым высказал эту мысль. Если у картины, которая висит в музее училища имени Фрунзе, такая богатая и интересная история, то сколько могут рассказать произведения искусства, хранящиеся во всех музеях нашей страны..

— Я очень рада за вас,— сказала Эльмира Яковлевна,— рада, что вы додумались до этого.

— Надо сделать так, чтобы и другие додумались! — убеждённо сказал Павлик Синицкий.

— Как ты себе это представляешь?

— Надо построить в Разбеге памятник. Тогда и всем захочется узнать, почему он здесь поставлен.

Класс зашумел, как улей.

— Памятник поставить нелегко... — сказала Эльмира Яковлевна.

Но уж больно увлекательна была идея. Написали ветеранам. Они сразу откликнулись и приехали. Вместе с ребятами сходили к руководителям птицефабрики «Большевик», рассказали о своей задумке. И дело закипело...

24 октября 1970 года в деревне Разбегай был открыт обелиск в честь курсантов училища командного состава флота.

РОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Вот и вся история этого поиска. Но она не закончилась, она продолжается. Потому что она родила новые традиции. Каждый год 24 ок-

тября, в годовщину боя за деревню Разбегай, собираются у обелиска местные школьники и жители окрестных сёл. Сюда же приезжают будущие офицеры Советского флота — курсанты Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, ветераны гражданской войны. Здесь курсанты дают клятву верности Родине.

А весной, когда в ряды пионерской организации вливается новое пополнение, юные разбегавцы приезжают в музей училища. Здесь под картиной «Бой за деревню Разбегай» им повязывают красные галстуки. Здесь же вручают комсомольские билеты старшеклассникам этой школы.

Когда этот поиск начинался, разбегавские ребята учились в маленькой восьмилетней школе, откуда был виден мост через речку Стрелку, изображённый на картине. Теперь у них новая школа-десятилетка. Находится она в Горбунках. Первыми её десятиклассниками стали те самые ребята, которые начинали этот увлекательный и интересный поиск,

Рис. В. Адаева

Здравствуй, лес!

СКАЖЕШЬ «ОСЕНЬ» и ждёшь её уже. А какая она, осень?

Солнце снизится, и жёлтые листья по берёзе падут, и ночи станут холодные, тёмные, полетит по полям и лугам паутина, придут осенние тучи, станет дождь и простоит неделю-другую, отгорят цветы, отпоят птицы, пожухнет папоротник, высыпает на землю последние грибы-солоники: грузди, свинухи, зеленухи, горькухи, там в кустах убереглась последняя капля черники, там у дороги в ещё зелёных зарослях краснеет ягода малины, там, в брусничнике забылась брусничина. Свежо на рассвете, солнце греет лишь в полдень, сыростью тянет от земли, вскопаны огороды, убраны поля, дни коротки, ночи длинны — всё, кажется, говорит об осени, а где она? Нет осени, как не бывало. Глянешь на луг — цветут одуванчики, хоть и не так уверенно, как весной, но желтеют на солнце. Лютик едкий, зверобой, шиповник, клевер, ромашки цветут летним цветом. Войдёшь в лес, и в лесу деревья зелёные. И столько зелени кругом и в лесах, и в полях, что желтизны не замечаешь, да и нет её, желтизны осенней. Идёшь в полдень по лесу, расстегнёшь от жары ворот рубашки, солнце слепит глаза, речка сверкает, летают бабочки — продолжает природа свой летний пир и кончать его не торопится.

Почему же тогда говорю «осень»? Проверял вчера муравейник, подошёл к одному — муравьёв на нём нет, вовнутрь спрятались. И во втором жизнь замерла, и в третьем, и только в каком-то десятом или двадцатом, что на самом бойком солнцепёке, едва теплится жизнь. Потрогал муравейник рукой, он, как печь в брошенной избе, — остыл: не курится, не дымится, не теплится.

ОСЕНЬ СТОИТ в самой поре, жёлтая, праздничная, даже весёлая по-своему, хотя и грусть навевает. А весёлая потому, что стоит в самой поре. Когда идёшь по лесу, осень не замечаешь вроде — простор в лесу небольшой, особенно в хвойном, сосны да ели загораживают пространство, упрёшься в сосну, как в высокую гору, и кроме неё ничего не видать. А по сосне, по ёлке осень не различишь, они вечно зелены.

Зато когда идёшь по шоссе, виды для глаз открываются удивительные. Глянешь справа, а по всей правой стороне зарделся лес, забагрянился, пятнами выступают то жёлтые, то зелёные, то красные кущи. Глянешь налево — та же картина,

только рисунок пятен другой, больше, меньше, бледней. Тут рябина стоит, листья пожухлые, будто их огненным ветром опалило. Там стайка осин. Листья у осины ярко-красные, как закат. А на взгорке у дороги огромная берёза. Пожелтела, а листья не отпускает, стоит жёлтая до звона, точно из земли фонтан золота вздыбился.

Идёшь по дороге, и осень вместе с тобой идёт, глядишь направо, налево, одна картина чудней другой, одно дерево краше своего соседа, пространство и дали раскрываются.

Где найти краски, чтобы передать всю красоту осени?

МАЛЕНЬКИЕ ПТИЧКИ, какие, мне отсюда не видно, порхают по веткам сосны и тенькают. Что им делать, на сосне — не знаю, но ведь может быть и так: крутятся они в каком-то осеннем прощальном танце, собравшись в стаи перед тем, как улететь на юг, устраивают хороводы. Обтанцевали одно дерево, другое, третье, обзвенели его, обпорхали — и были таковы. Что теперь делает сосна? Живёт воспоминаниями об этих птичках. И если в какой-то зимний морозный день мне или кому другому покажется, будто сосна издаёт тихий звон, в этом не будет ничего удивительного. Понятно, от кого переняла она эту песнь.

БЫЛО СОЛНЦЕ, а нынче прорвало небесную твердь, идёт дождь. Снизу бегут облака самые низкие, кажется — они-то и несут дождь. Чуть выше — ещё облака, они бегут помедленнее. Нижние облака чёрные, те, что выше, посветлее. А выше этих светлых облаков ещё облака — совсем белые, и светлые, и чистые, как снег. Выше этих облаков — синее небо. Но облаков так много, и выстроились они в три ряда — неба не видать. Стали бы облака сейчас на месте, заплакались дождём, и появилось бы солнце. Впрочем, может, у облаков нынче плаксивое настроение и не уняться им за неделю. Всё-таки, что ни говори, а на дворе осень, а осенью облака весьма чувствительны, и осуждать их за это не стоит. Надо же им когда-нибудь выплакаться!

С УТРА сеет мелкий дождь, деревья в мелких каплях, и от капель свет в лесу особенный, влажный какой-то, мокрый. Подойдешь близко к берёзе, заденешь её, и осыплет тебя холодный душ. На каждом дереве, на каждой ветке, на каждом сучке висят капли и светятся. Нет в лесу такого места, где бы не было их. Сидят капли рядком, как осенние птицы на ветках, и оторваться не хотят, и не соберутся никак улететь. Когда ещё таким бывает лес? Никогда! Или крайне редко. Случается, застрянут капли в еловой, в сосновой хвое. Бывает —

висят на ветках, гнутся к земле. Бывает, облепая сук, как мухи, и усыхают медленно на ветру, так и не упав, не добравшись до земли,—растворятся в воздухе. Весь лес в каплях!

НЕ ПОНИМАЛ, отчего осенью в лесу становится прозрачней и светлей, не замечал, не задумливался никогда, а тут глянул и понял — больше в лесу стало неба. Листья у деревьев облетели, зелени стало немного — трава да кусты ежевики, а неба много. В иной роще глянешь, а там одни голые ветки да небо. И оттого, что больше стало места в лесу для света, он, свет, тоже стал светлее, ослепительней. Глянешь на небо, а оно не голубое, как бывает в зимние дни, не белёсое, подёрнутое дымкой, уставшее от летней жары, не тёмное и глубокое, как колодец, а полно света и ослепляет. Оно оттого полно света вверху, что и внизу его с избытком.

КОГДА я иду по лесу и встречаю ягодников с бидончиками, полными черники, или грибников с корзинами, я всегда испытываю глухое чувство раздражения.

Спору нет, приятно прийти в лес и сорвать в нём цветок или ветку душистой черёмухи. Но ещё приятней ничего не рвать, а с чем пришёл с тем и уйти, ничего не поломав, не попортив, не потревожив.

Увидел душистый ландыш, понюхал его, поглядел, если он тебе очень нравится,—и шагай смело дальше. Увидишь в зарослях папоротника ежа с ежихой, можешь поздороваться с ними, и иди своей дорогой.

Здравствуй, лес! Я вошёл в твои зелёные кущи, я иду по твоей тропе в глубину твоих кварталов, смотрю по сторонам, слушаю пение зарянок и яблочков. Чем ты меня одаришь? Что унести с собой?

Возьми с собой песни яблочков, запах ландышей и черёмухи, возьми ту нетленную и неуловимую красоту, которая не даётся в руки, которую можно унести только в сердце, только в памяти своей, и, я думаю, ты будешь иметь значительно больше, чем сорвав все ромашки и ландыши,

Если хочешь узнать, как живёт народ, что он любит, кого ненавидит, над кем смеётся, о чём мечтает, — познакомься с его сказками.

Сегодня наш журнал предлагает тебе почитать сказки Африки.

Культура африканских народов уходит своими корнями в глубокую древность. Из поколения в поколение передавали они свои поэтические предания, мифы и сказки, находя в них порой поддержку в борьбе за свободу и лучшую долю. Так, сказки, которые мы сегодня печатаем, принадлежат героическому народу Гвинеи. Двадцать лет назад — 20 октября 1958 года — он сбросил колониальное иго и образовал Гвинейскую республику.

Вместе со сказками ты совершишь путешествие по саванне и джунглям, узнаешь природу тропической Африки, характер и нравы её зверей — встретишься с жадной гиеной, самоуверенным львом, коварным леопардом, а главное — с хитроумным, смелым и любознательным зайцем по имени Лёк, который умеет находить выход из любого, самого сложного положения.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ, из которой читатели узнают, кто самый молодой и самый умный зверь в саванне

Было это в стародавние времена.

В те времена, когда время измеряли Лунами, а звери Африки жили друг с другом в мире и согласии. Они сообща решали все свои дела, а по вечерам усаживались под огромным деревом, которое называли Деревом Бесед, и обсуждали всё, что произошло за день.

И вот сидели они однажды под Деревом Бесед и думали: кто же из них самый умный?

Самый сильный — лев, дядюшка Гаиндэ. Он — царь зверей.

Самый старый — слон, папаша Гней. Это знают все звери саванны.

Самый глупый и нечестный зверь — гиена по имени Букй.

А вот кто умнее всех? Этого никто из зверей не знал. Сидели они так и размышляли, пока лев дядюшка Гаиндэ не поднялся со своего царского трона и не провозгласил:

— Я думаю, что мы сначала должны узнать, кто из нас самый молодой. А кто самый молодой, тот, конечно же, и самый умный!

Начали звери вспоминать, кто когда родился:

— Я родилась три года назад, в год Великой Засухи, — воскликнула лань.

И все звери тяжело вздохнули, потому что вспомнили, как трудно жилось им в тот год. А раз вспомнили, то, значит, были они гораздо старше лани.

— А я родился всего три Луны назад, — поднял свои остроконечные уши шакал.

И все звери посмотрели на небо. Они стали считать, сколько раз они видели, как узкий месяц превращался в полную луну, а луна снова — в тонкое лезвие месяца.

А пока они смотрели на небо и считали, сколько Луи прожили они на свете, заяц по имени Лёк незаметно забрался на дерево и притаился там. В те далёкие времена уши у зайца были короткие, а хвост —

длинный и пушистый, и умел лазить он по деревьям, словно белка.

Тихо было под Деревом Бесед, но вдруг обезьяна по имени Голó почесала затылок и заявила:

— А я, друзья, только что родилась!

Все захлопали в ладоши, и обезьяна уже подумала, что она-то и есть самая молодая и, стало быть, самая умная, как рассудил лев дядюшка Гаиндэ. Но тут с ветки раздался голос:

— Смотрите! Я ещё только рождаюсь! Потеснитесь, дайте новорождённому место! — и к удивлённым зверям прыгнул заяц Лёк.

Все удивились и замолчали, а обезьяна Голó обиделась и отвернулась: ведь заяц Лёк перехитрил её.

Торжественным медленным шагом лев дядюшка Гаиндэ подошёл к зайцу.

— Я объявляю тебя, Лёк, — провозгласил он, — самым умным среди зверей. Ты доказал, что самый молодой из нас. А это значит, как я уже говорил, что ты всех нас умнее!

Гордо распушил Лёк свой огромный хвост, но про себя подумал: «Убедить зверей в том, что я самый умный, — это только полдела. Но как мне проверить, умён ли я на самом деле?.. Отправляюсь-ка я путешествовать...»

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ — о том, для чего нужно слушать советы старших

И отправился Лёк путешествовать.

Прошёл заяц саванну. Заросли расступились перед ним, деревья шелестели ему «здравствуй», высокие травы стелились под ноги.

Начались джунгли. Кроны деревьев здесь были похожи на огромные зонтики, и солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву. Тишина царил кругом.

И вдруг откуда-то сверху заяц услышал тихий вежливый голос:

— Остановись на минутку, Лёк, выслушай меня.

— Кто здесь? — удивился заяц.

— Это я, паук Диаргóнь, — ответил голос. — Я очень мал, и ты не видишь меня, а я давно за тобой наблюдаю. Лев, царь зверей, назвал тебя самым умным и самым молодым. А молодому всегда нужен опытный советчик. Считаю меня своим другом и братом, и ты многое узнаешь.

— Зачем ты хочешь мне помочь, друг и брат? — спросил заяц.

— Не спеши. Старшие всегда любят, чтобы младшие их слушали. Посмотри на мою паутину. Каждая из её нитей может рассказать о будущем. Одну за другой я дёргаю их, и они говорят на языке, понятном только мне. Хочешь узнать, что ждёт тебя впереди?

— Для чего мне это нужно знать, Диаргóнь? — ответил Лёк беспечно. — Ведь будущие опасности сейчас ещё не существуют!

— Ты действительно самый молодой зверь саванны, — засмеялся паук. — Но ты — не самый умный! Об опасностях как раз и надо знать заранее, тогда их можно будет вовремя избежать.

— Ладно, — согласился заяц, — так что ожидает меня впереди?

Паук Диаргóнь стал раскачивать нити паутины... Они запели, и их голоса слились в протяжную мелодию. Диаргóнь внимательно выслушал её и сказал:

— Много удивительного случится с тобой, Лёк. Часто придётся тебе преодолевать различные трудности, но ты всегда выйдешь сухим из воды. Первым, кого ты встретишь на пути, будет человек — его зовут Нит. Это — опасное животное. Он ходит только на двух лапах и держится прямо, словно жердь. Остерегайся его! Это говорю тебе я, паук Диаргóнь, а я долго жил под крышей его жилища. Я помог человеку избавиться от мух! И что же? Однажды он взял метлу, оборвал паутину и едва не раздавил меня.

— Зачем ты всё это рассказываешь? — засмеялся заяц. — Я не паук, и меня человек не сможет раздавить какой-то метлой!

— Не торопись! Не торопись, мой брат! Я сказал тебе: будь осторожен с человеком. Но многие звери более жестоки и неблагодарны, чем человек. Остерегайся тяжёлой ноги слониhi мамы Гней, страшных зубов льва дядюшки Гаиндэ, острых когтей коварного леопарда Сага, жестокости жадного и глупого Буки-гие-ны.

— Я-то думал: ты умён! — сказал насмешливо заяц. — А ты просто даёшь благоразумные советы. Но они мне не нужны. Я уже сам по себе достаточно взрослый и достаточно

умный! И сам смогу защититься, если понадобится — и от человека, и от льва, и ото всех остальных.

Сказал это заяц и пошёл дальше своей дорогой.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ, в которой вы можете попытаться сами отгадать интересные и сложные загадки

Дорога бежала всё вперёд и вперёд и стала, наконец, широкой и ровной, словно река.

«Звери никогда не ходят такими тропами», — подумал заяц и решил, что это тропа человека. А с человеком Лёку уже не терпелось познакомиться!

Вскоре он увидел большое стадо. Коровы щипали траву, а вокруг них ходил... человек! Кто же другой, кроме него, умеет ходить только на двух лапах и держаться прямо, как жердь?

Заяц остановился и стал наблюдать. Человек переходил с места на место и что-то пел. Иногда он кричал на коров, и те слушались его.

«Паук Диаргонь прав! — решил Лёк. — Человек действительно очень опасное животное: ведь его слушаются огромные коровы!.. Но познакомиться так познакомиться! — приободрил себя заяц. — Я ведь ещё не видел, как человек живёт и какой у него дом».

И Лёк зашагал по дороге дальше. На горизонте он увидел большие снопы соломы. Он подошёл к ним ближе и понял, что это вовсе не снопы, а крытые соломой дома — жилища людей. Домов было много. Около них ходили большие люди, а маленькие люди играли на земле. Лёк решил, что это — дети.

— Пойду и поиграю с ними! — сказал себе заяц.

Он завернул в первый попавшийся двор и увидел двух маленьких людей. Они сидели на корточках и строили дом.

Живого зайца дети никогда раньше не видели. Но они не испугались его: Лёк показался им добрым и милым.

— Мы хотим с тобой поиграть, оставайся с нами, — попросили они.

Лёк подошёл к ребятам, и дети погладили его.

— Ты похож на агнёнка, — сказал один.

— Нет, ты похож на котёнка, — возразил другой.

Лёк уселся рядом с детьми и сказал:

— Я — заяц Лёк. Я путешествую и узнаю мир. Хотите, я загадаю вам загадки, которые узнал в пути?

— Конечно, хотим, — закричали дети. Они даже приоткрыли рты — так им было интересно!

— Ну, послушайте первую:

*Его на дороге часто встречают,
Но никогда не поднимают.*

Дети начали вспоминать, что они могут увидеть на дороге.

— Это палка, — решил один.

— Это ручей, — предположил другой.

— Нет, — покачал головой Лёк, — это змея.

Дети приуныли. Действительно, змеи часто попадают на африканских дорогах.

— Просто вы не подумали хорошенько, — успокоил их заяц и загадал вторую загадку:

*Длиннее его — нет ничего,
Но только тени нет у него.*

— Это, наверное, великан, — воскликнул один.

— Нет, это колодец, — сказал другой.

— Нет, — снова покачал головой Лёк. — Длиннее всего — дорога. И только дорога не отбрасывает тени.

— Верно, — согласились дети, — ты опять прав.

— А вот теперь отгадайте:

*Кто непрестанно ткёт
И никогда не устаёт?*

— Это наша мама, — воскликнули оба мальчика.

— Нет, — ответил Лёк, — мама много ткёт, но она устаёт. А ткёт без остановки и без усталости — паук.

И Лёк подумал, что хотя паук Диаргонь и жил долго на свете, умным он не стал: люди — очень симпатичные и совсем-совсем не опасные животные.

И стоило зайцу так подумать, как к дому подошёл большой взрослый человек.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ, прочитав которую вы узнаете, почему у зайца длинные уши и короткий хвост

И вот послушайте, что случилось с зайцем дальше.

Большой человек подошёл к дому и остановился. В руках у него была палка, и сам он был прямой, как жердь.

— Папа! — закричали дети. — У нас новый товарищ.

Крестьянин увидел Лёка и усмехнулся.

— Да ведь это заяц, — сказал он. — Зовут его Лёк, — и он самый хитрый зверь саванны. С ним надо держать ухо востро, а то он обязательно сыграет с нами какую-нибудь шутку. Запрём-ка мы его для начала в клетку. Придёт время — и он нам пригодится...

— Нет, папа, — закричали дети, — он хороший и добрый! И загадывает нам интересные загадки!

— Это он сможет делать и в клетке, — ответил крестьянин и запер Лёка на замок.

Всю ночь заяц не спал. Он думал, что уже никогда больше не увидит джунглей и не пробежит по звериным тропам саванны. Он попрощался со своими друзьями и представлял себе, что сказал бы ему сейчас паук Диаргоны! Да, человек — опасное животное!..

А на следующее утро к клетке подошёл старший сын крестьянина.

— Я хочу спасти тебя, — сказал он Лёку.

— Как?

— Просунь уши сквозь прутья и ничего не бойся!

Лёк послушно просунул сквозь прутья решётки свои короткие уши, а мальчик что было сил дёрнул за них и одним рывком вытащил зайца из клетки.

Как стрела из лука, повёлся Лёк по дороге к джунглям.

Вслед за ним бросились все деревенские собаки, и самой быстрой из них удалось всё-таки отхватить боль-

шую часть роскошного заячьего хвоста.

Вот так у зайца и появились длинные уши и короткий хвост.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ — самая что ни на есть чудесная, потому что Лёк встречается с феей мамой Рандатү

«Уши стали длинными, а хвост — коротким, — горевал заяц, спрятавшись в чаще. — Что же мне теперь делать? Ведь в таком виде нельзя показаться — засмеют!»

Часто слышал Лёк рассказы о фее маме Рандатү. Все звери Африки знали, что одним мановением руки она лечит больных и превращает одну вещь в другую. Говорили даже, что... Но разве можно перечислить всё, что может сделать всемогущая фея мама Рандатү?!

И Лёк решил отправиться к фее.

Красивый был у неё дом! Высокий и яркий, словно украшенный разноцветными перьями прекрасных птиц. Не успел заяц переступить порог, как услышал голос:

— Я знаю, зачем ты пришёл. Человек вытянул тебе уши, а собаки отгрызли хвост. Теперь ты хочешь, чтобы я помогла тебе.

— Да, — смиренно ответил Лёк и опустил голову.

— Я могу сделать тебя таким, каким ты был раньше, — продолжала фея мама Рандатү, — но, может быть, тебе лучше остаться с длинными ушами и коротким хвостом?

— Для чего? — удивился заяц.

— Длинными ушами ты будешь лучше слышать, — ответила фея, — а короткий хвост поможет тебе высоко прыгать и быстро бегать.

Заяц подумал-подумал и согласился.

— Ну что же, оставь меня таким, как сейчас, но только сделай меня хоть немного красивее, — попросил он.

— Хорошо, — согласилась фея, — но за это ты должен принести мне

слоновые и китовье молоко, зуб льва и коготь леопарда.

— Договорились! — воскликнул Лёк и ушёл от мамы Рандату, повторяя по дороге её приказание.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ, в которой Лёк начинает дарить щедрые подарки

«Слоновые и китовье молоко, зуб льва, коготь леопарда», — повторял заяц и вдруг вспомнил, что именно

об этих зверях говорил ему паук Дидаргонь.

Слон — самый большой зверь саванны. Это знают все. Он — не злой и не кровожадный. «Да и убежать от него легко, — решил Лёк, — потому что он тяжёлый и неповоротливый».

Лев — совсем другое дело. Это — ловкий и быстрый зверь. Его острых зубов и могучей лапы действительно все боятся. Но нападает дядюшка Гаиндэ только когда он голоден. А ещё Лёк рассудил так: «Дядюшка Гаиндэ — царь зверей, а значит, он не любит шуток над собой. Но ему

должно правиться, когда ему лстят».

А вот более опасного зверя, чем леопард Сэг, нет в саванне. Он — самый быстрый, самый ловкий и самый кровожадный! Он нападает на всех, кого ни увидит на своём пути. «Знакомство с ним, — подумал заяц, — я оставлю напоследок...»

Решил заяц так и отправился к берегу океана. Китов-то ему опасаться было нечего! Они живут в океане и едят только рыбу.

Долгий это был путь. Заяц прошёл саванну, прошёл джунгли и вот однажды услышал странный шум, не смолкавший ни на секунду. Шум слышался всё громче и громче, Лёк шёл всё быстрее и быстрее, и вдруг — земля кончилась. Перед ним до самого горизонта была голубая вода. Вода — и ничего больше.

«Это, конечно, океан», — подумал Лёк и огляделся.

Около воды отдыхала мать всех китов, почтенная Н-Гáга — она вышла на берег подышать свежим воздухом.

— Здравствуйте, уважаемая Н-Гáга! — поклонился Лёк. — Здравствуйте, владычица всех морей!

— Здравствуй, житель земли, — вежливо ответила Н-Гáга. — Зачем ты пожаловал ко мне?

— О, — воскликнул заяц, — я принёс вам подарок от жителей моей страны. Они хотят, чтобы вы знали, как они вас любят, уважаемая Н-Гáга! — Лёк перевел дух и начал придумывать дальше. — Жители саванны попросили меня преподнести вам этот подарок. Но он — слишком тяжёл, а силы мои — слишком малы. Я привязал его вот к этой верёвке, — и Лёк протянул Н-Гáге конец верёвки, которую нёс в своей котомке, — потяните за неё, и подарок сам придёт к вам.

От удивления и восхищения Н-Гáга вздохнула, и чудесный фонтан воды поднялся высоко в синее небо.

— Посланец саванны! — сказала она. — Я благодарю тебя и всех жителей твоей страны. Они добры и великодушны и понимают, как приятно получать подарки?

— Ещё бы! — ответил Лёк. — Но звери просили принести им немного вашего молока, иначе они не поверят, что я встретался с великой владычицей всех морей. Никогда и ни за что не поверят!

— Возьми, конечно, добрый житель земли! — великодушно разрешила Н-Гáга.

Лёк наполнил китовым молоком бутыл, которую в саванне называют калебас, низко поклонился владычице морей и шагал домой.

«Ну вот, — думал он, — я уже выполнил первое приказание феи — достал китовье молоко!»

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ, в которой Лёк продолжает дарить подарки

Одно приказание феи заяц Лёк выполнил — китовье молоко он достал. Но теперь ему надо было добыть слоновье молоко...

Неторопливо, степенно шагала слониха мама Гней по саванне, когда неожиданно перед ней появился заяц Лёк. Он низко поклонился и начал речь, заготовленную заранее:

— Здравствуйте, мама Гней! Я пришёл к вам потому, что вы самая добрая и великодушная из всех, кого я знаю...

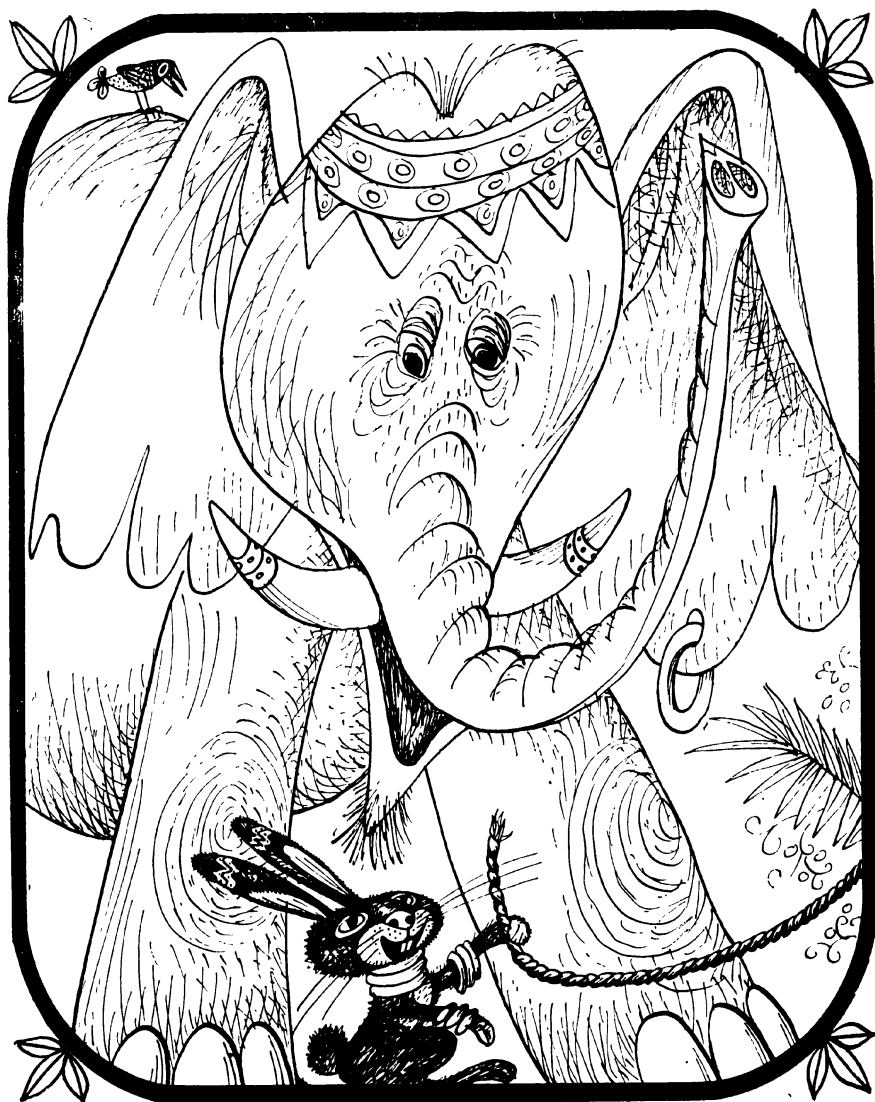
Слониха остановилась, подняла хобот и затрубила в знак одобрения.

— Дело в том, — продолжал Лёк, — что я только что получил подарок. Драгоценный подарок! И я решил, что вы, мама Гней, заслуживаете его куда больше, чем я или любой зверь саванны. Я вручаю его вам! — И Лёк протянул маме Гней конец верёвки, которую волочил за собой.

Слониха обрадовалась, что Лёк принёс ей подарок, и опечалилась, так как пока подарка нигде не видела. Конец какой-то верёвки — это далеко не драгоценный подарок!

А Лёк тем временем набрал в лёгкие воздух и продолжал:

— Подарок — очень тяжёлый, а мои силы — малы, и я не смог при-

нести его вам. Я привязал подарок к этой верёвке. Вытяните её — и подарок ваш!

Тут слониха поняла, в чём дело, и закивала головой.

— А я, — сказал Лёк, — прошу вас только об одном: дайте мне немного вашего молока.

— Ну, конечно, конечно, Лёк! — затрубила мама Гней.

Она дала зайцу молока, он наполнил второй калebas и быстро пошёл прочь.

«Я, наверное, действительно самый умный зверь саванны, — думал Лёк, — ведь полдела уже сделано!

Я выполнил два поручения мамы Рандатү: получил и слоновье, и китовье молоко».

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ — о подарках, которые любят получать все, но не всем удаётся их подучить

Да, слоновье и китовье молоко Лёк получил, а вот простодушные мама Гней и Н-Гáга обещанные им подарки всё ещё не видели.

Слониха мама Гней сильно потянула за верёвку и воскликнула:

— Ну и тяжёлый подарок!

А Н-Гага дёрнула за другой конец, и верёвка затрещала.

— Какой большой подарок! — обрадовалась она.

Они тянули верёвку каждая со своей стороны, но подарок не двигался с места. В этом не было ничего удивительного, но слониха мама Гней и мать всех китов Н-Гага ничего не могли понять и решили отправиться за обещанным подарком сами.

Несколько дней шли они навстречу друг другу. И вот однажды утром мама Гней и Н-Гага встретились нос к носу. Одна больше другой!

Мама Гней подумала, что подарок уже взяла Н-Гага и в ярости крикнула:

— Как ты смела тянуть за верёвку, к которой привязан мой подарок! — И она стукнула о землю своей огромной и тяжёлой, как столб, ногой.

Н-Гага почернела от гнева и воскликнула:

— Нет, это ты как смела тянуть за верёвку с моим подарком!

Так они стояли, смотрели друг на

друга и не знали: как им теперь быть? Не драться же, в самом деле...

Слониха сказала первая:

— Н-Гага, давай не будем злиться друг на друга и объяснимся по-хорошему. Пришёл ко мне заяц Лёк и пообещал подарок. Принести его он не мог — подарок был очень тяжёлым. Он привязал его к верёвке, которую и дал мне. Я тянула за эту верёвку изо всех сил, но вытянуть подарок не смогла. Тогда я пошла за ним сама...

— Но и мне тоже заяц пообещал подарок, которого сам не смог принести! — закричала Н-Гага.

Тут они, конечно, поняли, что Лёк просто-напросто обманул их обеих. Ни с чем вернулись они к себе домой: слониха мама Гней — в саванну, а мать всех китов Н-Гага — в океан.

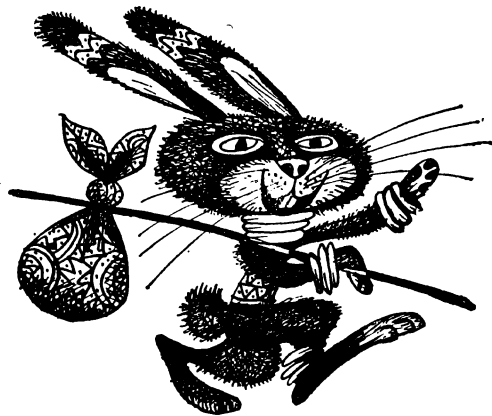
Они так рассердились за обман на зайца, что запретили ему появляться в саванне и на берегу океана. А когда сердятся такие большие животные, то лучше не попадаться им на глаза.

Лёк взял свою дорожную котомку и снова отправился путешествовать.

Перевели с французского и пересказали для детей О. КУСТОВА и В. АНДРЕЕВ

Рис. Ю. Бочкарёва

(Продолжение следует)

ВЕСНОЙ нынешнего года в Праге проходил очередной чемпионат Европы по хоккею. Он закончился уверенной победой сборной СССР, которая в пятнадцатый раз стала победительницей мировых первенств. Редакция нашего журнала получила много писем от ребят с просьбой прокомментировать итоги пражского чемпионата, рассказать о лучших наших игроках, о перспективах развития хоккея.

Выполняя вашу просьбу, о хоккее рассказывает спортивный обозреватель газеты «Вечерний Ленинград», заслуженный работник культуры РСФСР Валентин Иванович Семёнов. Он ныне был в Праге на чемпионате хоккеистов.

В. СЕМЁНОВ

Пятнадцатикратные!

Величественная Влтава делит Прагу как бы на две части — южную и северную. Части эти неравномерные. В южной, расположенной по правому берегу реки, находятся центральные районы города, на левобережье — Пражский град, а поодаль от него живописный парк культуры и отдыха имени национального героя Чехословакии Юлиуса Фучика. При входе в этот парк высится огромный Пражский дворец спорта. Под его перекрытиями размещены трибуны на четырнадцать с половиной тысяч зрителей. В весенние апрельские и майские дни пражане и гости столицы ЧССР мечтали попасть на трибуны дворца, посмотреть проходившие здесь игры сильнейших ледовых дружин мира.

В те дни любители спорта многих стран ждали сообщений из Праги. И в самой чехословацкой столице интерес к хоккею был необыкновенным. На трибунах можно было увидеть болельщиков всех возрастов. Горячо болели за свою команду чехословацкие мальчишки и девочки. Это и понятно. Их команда второй год подряд была чемпионом мира и Европы, и, конечно, пражане хотели видеть её победительницей в третий раз.

Много забот было в те дни у юных пражских любителей хоккея. Кто из них не мечтал получить автограф знаменитого игрока? Я видел у входа на этот ледовый стадион толпы ребят. Они постоянно встречали и провожали хоккеистов восьми стран, прибежали сюда даже утром, когда шли тренировки, и становились обладателями драгоценных автографов. Особенно приятно было получить автографы от хоккеистов сборных СССР и ЧССР. Игроки этих команд очень популярны: в основном, они на протяжении многих лет ведут борьбу за хоккейное золото — на чемпионатах мира и Европы, на Олимпийских играх.

Хоккей по праву можно назвать самой популярной игрой двадцатого века. И самой быстрой. Хоккеисты проносятся по льду, развивая скорость до сорока пяти километров в час. А шайба, эта стовосьмидесятиграммовая вулканизированная резиновая крутляшка, летит еще стремительнее — со скоростью до ста двадцати километров. Для того, чтобы добиться успеха в хоккее, нужно обладать многими качествами — хорошо стоять на коньках, отлично владеть клюшкой, быть смелым, выносливым, целеустремлённым. Такими стойкими ледовыми бойцами давно уже зарекомендовали себя наши хоккеисты. Но вот после серии уверенных побед последние два года нас преследовали неудачи. Мы не были первыми на чемпионате 1976 года в польском городе Катовице, а в прошлом году в Вене заняли даже третье место. Шестнадцать лет не было у нас отступления на бронзовый рубеж, и поэтому все мы ждали от нашей главной ледовой дружины возвращения на высшую ступень пьедестала почёта. И вот

эта цель достигнута. Проявив высокое мастерство и огромную волю к победе, наши спортсмены в пятнадцатый раз завоевали золотые медали чемпионов мира и в восемнадцатый — высшие награды чемпионов континента.

Когда в Пражском дворце спорта величаво прозвучал Гимн Советского Союза в честь победителей, капитан нашей сборной Б. Михайлов держал в руках сразу три приза — за победу в мировом первенстве и за победу в европейском первенстве, а также хрустальный кубок председателя правительства ЧССР Л. Штроугала. Если к этому добавить, что два года назад в Инсбруке наши ребята стали ещё и олимпийскими чемпионами, то станет ясно, как высоко мастерство советских хоккеистов. Но не только оно порой решает судьбу турнира. Сколь важно быть предельно собранным, настроенным на победу! Ведь выиграть такой трудный чемпионат, как пражский, могут только люди большой силы и воли!

Сразу же после окончания чемпионата Б. Михайлов говорил:

— Наша команда в Праге из-за травм и болезней игроков не смогла провести в полном составе ни одного матча. У других хоккеистов руки бы опустились от цепи таких неудач. Особенно в тяжёлое положение мы попали в последний день турнира — 14 мая: наш лучший форвард Сергей Капустин простудился, и у него поднялась температура. Виктор Жлуктов и Александр Голиков выходили на площадку с незалеченными до конца травмами, в ходе фактически финального матча тяжёлые травмы получили Александр Мальцев и Владимир Лутченко (Мальцев не мог ходить, и домой мы везли его, переноса из машины в самолёт на руках). А ведь надо было на финише победить чемпионов мира, хозяев чемпионата, и не просто выиграть у них, а победить с преимуществом в две шайбы. Не только высокое мастерство позволило добиться цели, но и исключительно высокий дух всех хоккеистов сборной СССР! Мне, как капитану такой великолепной коман-

ды, особенно приятно сейчас об этом говорить.

Перед началом турнира старший тренер сборной СССР Виктор Васильевич Тихонов сказал:

— Лёгких матчей здесь не будет. Произошла нивелировка команд, все будут стремиться сыграть с фаворитами как можно лучше. Думаю, что никому не удастся избежать поражения. Вот только когда это произойдёт?

Виктор Васильевич был прав. Действительно, уже первые матчи показали, как трудно будет бороться за победу, каким жёстким стал хоккей, сколько сил и выносливости потребуется для того, чтобы пройти все испытания.

В первых матчах чемпионата, возможно, не всегда удовлетворяла нас игра сборной СССР. Известный московский поэт Николай Доризо, который тоже был в Праге, написал такое четверостишие:

*Когда соперников своих
Теснили, полем всем владея,
Играли мы сильнее их
И всё же чуть-чуть себя слабее.*

Что ж, так могло показаться. Действительно, в первых матчах наша сборная играла не так слаженно, как потом. Тем более, что против нас все, в том числе и аутсайдеры, действовали с особым желанием добиться успеха. Недаром после матчей со сборной СССР все тренеры говорили, что их команды сыграли свой лучший матч. Да, прошли те времена в хоккее, когда командам, заведомо считавшимся аутсайдерами, можно было без особого напряжения забивать больше десяти шайб. Характерный пример этому — встреча сборных СССР и ГДР. После первых двух периодов счёт был ничейным — 2:2. Конечно, класс игры решил судьбу матчей. Сборная СССР сумела всё же почти за десять минут провести в ворота команды ГДР восемь шайб. Но случилось это только в третьем периоде.

После предварительных игр стало ясно, что судьба золотых наград будет решаться во встречах хоккеистов СССР и ЧССР.

В первом матче с командой ЧССР подвела игровая дисциплина. Когда счёт был 3:2, Х. Балдерис и С. Капустин вышли один на один с вратарём чехословацкой команды И. Холечком и не смогли забить, как говорится, стопроцентный гол. Авскоре С. Капустин в безбидной ситуации нарушил правила, и наша команда была оштрафована на пять минут. Чехословацкие хоккеисты сравняли счёт, а потом судья на линии не заметил положения вне игры, и четвёртая шайба влетела в ворота нашей сборной. Верх в том матче взяли хоккеисты ЧССР — 6:4.

Накануне второго матча сборных СССР и ЧССР канадский тренер Д. Хауэлл говорил:

— Обе команды сильные. Каждая может претендовать на победу. Думаю, что успеха добьётся та сборная, у которой лучше сыграет вратарь.

В решающем матче В. Третьяк сыграл блестяще. Да и вся наша команда действовала самоотверженно. Вместе с прославленной тройкой Б. Михайлов — В. Петров — В. Харламов бурно атаковали ворота соперников Х. Балдерис — В. Жлуктов — С. Капустин, много полезного делала

тройка динамовцев во главе с опытным и неуязвимым А. Мальцевым. Стойко обороняли ворота защитники В. Фетисов, З. Белялетдинов, Г. Цыганков, В. Лутченко и другие. Наша команда успешно сочетала наступательный хоккей с игрой от обороны. Этот тактический приём помогал ей чаще быть хозяевами положения на ледовой арене. В итоге победа со счётом 3:1. По личным встречам с чехословацкими хоккеистами у нас оказались одинаковые показатели, а по общей разнице забитых и пропущенных шайб мы вышли на первое место.

Чехословацкие газеты дали высокую оценку игре советских хоккеистов — чемпионов мира, особо отмечая молодое пополнение сборной СССР. «Под руководством нового тренерского тандема В. Тихонов — В. Юрзинов советская команда сумела извлечь урок из прошлогодней неудачи в Вене и поражения от сборной ЧССР на турнире «Известий», — пишет «Чехословенски спорт». — Форма сборной СССР улучшалась от матча к матчу, команда в полной мере продемонстрировала свои отличные физические возможности —

в этом она превосходила все остальные команды — участницы чемпионата. В последней встрече со сборной ЧССР советская сборная к тому же блеснула скоростью, нацеленностью на ворота, точной комбинационной игрой, надёжной обороной, меткостью бросков по воротам.

А вот что рассказали после решающего матча те, кто забил три победных гола.

Х. Балдерис:

— Протолкнул шайбу между бросившимися на перехват защитниками Бублой и Кайклом, сам проскочил между ними, кто-то меня успел задеть, но удалось устоять. Передо мной только вратарь Холечек. Бросаю шайбу и вижу, как она между его щитков влетает в сетку.

В. Петров:

— Соперники играли в большинстве, увлеклись. Тут мы с Михайловым и застали их врасплох.

В. Голиков:

— Когда Мальцев заставил вратаря сместиться, я понял, что сейчас он шайбу пошлёт мне. Ну, а передо мной был открытый угол ворот.

Много в нашей стране проводится различных хоккейных турниров. Каждый по-своему интересен. Но, пожалуй, особое место среди них занимают самые массовые старты юных хоккеистов на приз клуба ЦК ВЛКСМ «Золотая шайба». Они проводятся по традиции в дни весенних каникул. Вот на этих турнирах первые свои шаги в большой хоккей сделали В. Третьяк, А. Мальцев, В. Харламов, В. Фетисов и многие другие наши прославленные хоккеисты. А нынче двое из них, В. Третьяк и Б. Михайлов, за высокие спортивные достижения награждены орденами Ленина. Высоких правительственных наград удостоены и другие наши хоккеисты, тренеры.

Следующий чемпионат мира и Европы состоится 14—27 апреля

1979 года в столице нашей Родины Москве.

После тщательного изучения всех достоинств и недостатков существующей структуры четырёхгодичного цикла конгресс Международной лиги хоккея на льду (ЛИХГ) пришёл к выводу о нецелесообразности проведения чемпионатов мира в годы Олимпийских игр. Это решение, с одной стороны, ещё более поднимает значимость Олимпийского турнира и делает его действительно главным соревнованием сезона. С другой стороны, оно освобождает хоккеистов от излишней нагрузки, обусловленной необходимостью в течение короткого промежутка времени участвовать в двух столь серьёзных соревнованиях, какими являются Олимпийские игры и чемпионаты мира.

Предстоящий четырёхлетний период с 1979 г. по 1982 г., таким образом, будет следующим: 1979 г. — чемпионат мира и Европы в апреле в Москве, в сентябре — «Кубок Канады», 1980 г. — Олимпийские игры в Лейк-Плэсиде, 1981 г. — чемпионат мира в Швеции, 1982 г. — чемпионат мира в Финляндии в апреле, в сентябре — «Кубок Канады».

Начиная с 1979 года вступает в силу новая система проведения чемпионатов мира с разделением участников на две группы, о которой сообщалось в печати. Новая система имеет ряд очевидных достоинств. Так, например, продолжительность турнира сократится до двух недель. Возрастёт количество интересных матчей и уменьшится число малоинтересных игр.

А до чемпионата мира и Европы в Москве много интересных матчей состоится в розыгрышах первенства и кубка СССР, в традиционном турнире на приз «Известий», в турнире «Золотая шайба»...

Хоккей продолжается.

● В 1918 году, с 29 октября по 4 ноября, в Москве состоялся I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодёжи. Работой по подготовке съезда руководил Яков Михайлович Свердлов. Почётными председателями съезда были избраны Владимир Ильич Ленин и Карл Либкнехт. С докладом «О текущем моменте» выступил Емельян Михайлович Ярославский. Этот день—29 октября 1918 года — и является днём рождения комсомола.

● 200 тысяч комсомольцев сражались на фронтах гражданской войны. Более 5 тысяч комсомольцев — бойцов гражданской обороны — награждены самой высокой наградой тех лет — орденом Красного Знамени.

● Альберт Лапин, 19-летний комсомолец, командовал дивизией, взявшей в плен Колчака. Сын писателя А. Серафимовича, комсомолец Анатолий Панов был комиссаром отряда особого назначения. Будущий всеми нами любимый писатель Аркадий Гайдар в 16 лет командовал полком.

● В 1924 году, в дни Ленинского призыва, ряды комсомолаполнили 160 тысяч юношей и девушек. Каждый день в комсомол вступали в среднем по 3 тысячи новых членов.

Цифры и факты

● Свыше 350 тысяч комсомольцев трудились на важнейших стройках первой пятилетки. Первая ударная бригада молодёжи была создана в нашем городе, на заводе «Красный треугольник», в сентябре 1926 года.

● В дни Великой Отечественной войны более трёх с половиной миллионов комсомольцев, в том числе свыше ста тысяч девушек, награждены орденами и медалями Советского Союза. Семи тысячам комсомольцев и воспитанникам комсомола присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них 66 девушкам. 60 воспитанников Ленинского комсомола удостоены звания дважды Героя Советского Союза.

● С осени 1943 года на территории, временно оккупированной фашистскими захватчиками, действовало 1780 подпольных комсомольских организаций. 60 процентов партизанских отрядов составляли комсомольцы и молодёжь.

● Два с половиной миллиона своих лучших воспитанников передал комсомол за полвека в ряды Коммунистической партии.

● Юные следопыты открыли немало новых страниц героической летописи советского народа. Более 10 миллионов юношей и девушек прошли по местам героической славы советских воинов. Они создали 60 тысяч музеев, комнат и уголков славы, установили свыше 15 тысяч памятников, обелисков, мемориальных досок.

● За годы советских пятилеток, при активном участии советской молодёжи, построены тысячи промышленных объектов, пущены гидро- и атомные электростанции, проложены километры новых стальных магистралей. Вокруг этих предприятий возникло более 1150 больших и малых городов, множество рабочих посёлков, средний возраст жителей которых не превышает 25 лет.

● На заре рождения комсомола только двое из тысячи имели высшее образование. Теперь каждый второй комсомолец имеет аттестат зрелости и диплом специалиста. В вузах страны молодёжи учится больше, чем в вузах всех капиталистических стран Европы. По сравнению с дореволюционными годами выпуск специалистов с высшим образованием увеличился в 60 раз.

● Байкало-Амурскую магистраль (БАМ) называют стройкой века, и возводится она руками комсомольцев. По объёму работ, по сложности инженерных сооружений, применению техники этой стройке нет равной в мире. На БАМе будет возведено 3100 сооружений, 142 моста длиной от 100 до 300 метров. В горных хребтах пробиваются туннели, общей длиной 25,3 километра.

● В Советском Союзе более 55 миллионов человек регулярно занимаются физической культурой и спортом, большинство из них комсомольцы. Государство проявляет постоянную заботу о расширении материальной базы для занятий спортом. В стране насчитывается 3282 крупных стадиона, более 66 тысяч спортивных залов, 1435 бассейнов, свыше 600 тысяч спортивных площадок. В спортсекциях, кружках, клубах более 20 миллионов человек ежегодно становятся обладателями значка ГТО.

Содержание

А смог бы я? Стихотворение Льва Кукулина	1
Именем комсомола. Очерк Василия Островского	2
Карусели над городом. Главы из повести Юрия Томина	11
Баллада о возвращении. Стихотворение Вячеслава Кузнецова	26
Лицом к огню. Стихотворение Ризы Халида	27
Ночной саксофонист. Рассказ Германа Балудева	28
В плену у людей. Рассказ Виктории Вартан	31
Лошадь. Стихотворение Марины Красильниковой	35
Бой за деревню Разбегай. Очерк Виктора Того	36
Здравствуй, лес! Этюд Б. Сергуненкова	46
Чудесные истории про зайца по имени Лёк	49
Пятнадцатикратные! Очерк В. Семёнова	59
Цифры и факты	63

На 1-й странице обложки рисунок Л. Московского «Эстафета».

На 2-й странице обложки — делегаты XVIII съезда ВЛКСМ ленинградцы Елена Денисова, Александр Рыбников, Владимир Кудрявцев, Николай Ильин, Галина Журавлёва, Юрий Бабанский. Фото П. Маркина.

На 3-й странице обложки — «В камне и в бронзе». Фото О. Миронца.

На 4-й странице обложки рисунок П. Вискова «Красный конник».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, К. И. Курбатов, А. М. Млодик,
В. Н. Сулов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 28/VIII 1978 г. Подписано к печати 19/X 1978 г. 4 п. л.
М-26932. Зак № 785. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата.
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

